

смена

5-6

издательство „ПРАВДА“

СОВЕРШЕННОЛОСТИЕ

Уже тепло. Уже под солнцем весним
Взошла трава и бурно разрослась.
Объятые цветением черешни
Через окно заглядывают в класс.

Окончены последние уроки,
И двери в лето открывашь ты,
Как двери в мир прозрачный и широкий,
Где сбудутся давнишние мечты.

Мальчонка, рабко строивший модели
И грезивший над книжкой науки,
Ты возмужал.

Пора познать на деле
Морскую зыбь и неба синеву.

Все то, что прежде для подростка было
Заключено в тетрадки и томы,
Теперь тебе громадой обступило,
Зовет и манит.

Это — жизнь сама!

Уже земля — не деревянный гаубус,
Взгляни, туда — за горизонта грани,
Предела нет.

Ступай, твори и пробуй,
Ваятелем и следопытом стань!

Перед тобой сады, земные недра,
Сыпучие барханы и снега,
Озера, солью сдобренные щедро,
И росами омытые луга.

Ты можешь все: выраживать ранеты
В далеких зонах вечной мерзлоты,
Сушить болота, открывать планеты,
Искать руду и воздвигать мосты.

Но помни: есть еще на свете силы,
Что нам грозят коварством и огнем.
И где б тебя сегодня ни носило,
Назавтра — бой.

Не забывай о нем!

Помимо телескопа и турбины,
Спешь познать походное седло,
Подводку, уходящую в глубины,
И в небо устремленное крыло.

Не все ль равно, товарищ, ком ты будешь:
Философом, хирургом, кузнецом?
Твой путь открыт.

Ты смело выйдешь в люди
Достойным гражданином и бойцом.

...Уже тепло. Уже под солнцем весним
Взошла трава и бурно разрослась.
Объятые цветением черешни
Через окно заглядывают в класс.

На обложке: у школьного окна. Фото И. Гущина.
На обороте обложки: футбольный матч «Спартак»—
«Динамо» на перекрестье СССР. Фото И. Фигурова.

К. БАДИГИН,
Герой Советского Союза

В морозный майский день 1939 года, когда над «Седовыми» вила и пахала нурга, Александр Александрович Полянский принес мне радиограмму из Москвы.

— Вот, капитан, от пионеров, — сказала он, лампа на свою красные, застывшие пальцы, и немного иронически добавил: — интересуетесь нашими мемориалами...

Я развернула крохотный обрезок навигационной карты, мелко исписанный акуратными радиостемами, экономившими бумагу.

«...Приближается большой пионерский праздник, пятнадцать лет со дня, когда пионерская организация начала носить имя Ленина. Просим вас вспомнить о том времени, когда мы сами носили красный галстук, расшивали его, как мы готовились стать моряком и как мы сплавом С гордым приветом «Иконописца Правды».

Я перечеркнула эти строки и залумзала. Пятьнадцать лет! Как быстро, однако, мчится время. Кажется, будто еще вчера мы сидели у костра над прудом у старого сахарного завода и крупные звезды синего украинского неба подмигивали курносым склонам горы, на которых юных спартаков сажали, обижаясь, что они из коричневой зоны печенину картошку, пели смешную песенку об этой картошке и мечтали о приключении. И вот оказывается, что все это уже где-то далеко-далеко, за границей полутора десятилетий...

Откровенно говоря, я не любитель мистификаций и не любитель вспоминать, жаждя вспоминать прошлое. Но аконтические строки, неожиданно напомнившие о далекой романтической поре, настолько нарушили суровый привычный ритм поэмы, что я невольно потянулась к отсыревшим напакам своего архива.

Бумаги в этих напаках пропахали горьковатым дымом, никотином, разбухли. Буквы расплывались. Фотографии теряли ясность. Но какого-то момента, именно в этот момент удачливой аварии, я бессознательно перебирала неструйные открытки с видами тропических портов, в которых побывала в годы юности, фотографии кораблей, на

Ну что ж, вот он, белобрюхий парнишка с босыми ногами, в трусиках и майке. Он сидит на садовой скамейке и пристально глядит в объектив фотоаппарата, самолично ждет, что оттуда выплынет отчаливший головорез из романа Луи Вуссона, с которым сейчас придется сразиться.

...Изображение этого творчества, фантастических проектов... Прекрасная пора, когда старый рыбак или без труда можно представить оксанским аллеиром, а пруд-бетонным морем, когда остается еще так много непрочитанных книг, каждая из которых таит в себе новый увлекательный мир. У нового эшелона юных спартаков было такое право. Вместе с Гаттересом мы мечтали о покорении Северного полюса. С морскими «Эсперансами» огибали зловещий мыс Горна. Маргит Ильин звал настойчиво и упрямо запоминать знания. Зоологом стала Юкона Никольская, как велика она физическая сила, как велика выносливость. Погоняющие могикане прерий учены благородства и душевной чистоты. Но, пожалуй, наибольшее впечатление оставили увлекательные повести о подвигах русских моряков на Тихом океане, о лихих клинках и корветах, десятки раз пересекавших экватор, побеждавших тафтуны, поднимавших флаг родин на новых землях...

И когда наши звено собиралось глянуть на лагу или на пруд, было вдохновение, было желание. Для каждого разговора надо было придумывать очередную фантастическую экспозицию, учиться безошибочно отличать бом-брамсель от фор-стакселя, запоминать хитрые морские узы, учиться грести, плавать и нырять, дратться по всем правилам бокса.

В эту пору меньше думашки о пресненных житейских мелочах. Но по-

которых призываю плавать, различные книжки, обрывки старых альманахов, сувениры, полученные от иностранных моряков: негров, малайцев, болгар, немцев. «Вспоминте о том времени, когда мы сами носили красный галстук...»

К. Бадигин.

том эта житейская проза — увы! — заставляет считаться с собой. И хотя ты мечтаешь о море и солнечном ветре, тебе после окончания школы приходится браться не за штурвал, а за простенькую лопаточку штукатура ведь время пятилеток еще не пришло, идет лишь 1927 год, и в СССР пока существует безработица.

Конечно, и штукатуром работать интересно. Прятишь ощущать, как твои руки, которые еще вчера умели держать лишь карандаши и тетрадки, постепенно крепнут, становятся сильными, уверенными и смиренными. Но это не для всех. Для других. После работы можно заняться спортом. И совсем уж не так плохо в семнадцать лет быть участником губернских стрелковых соревнований Москвы и под-

ливостока, все книги и справочники об этом тихоокеанском городе. И снова вспоминаются рассказы о Тихом океане, прочитанные в детстве, и снова просыпается тоска по кораблям.

Так возникает желание, которое на первые годы жизни неизвестно было никому и никем из беспомощных юношей. Работу, полученную с таким трудом, уплатить все зароботанные деньги за железодорожный билет Ленинград — Владивосток, а там... Там будет видно, что делать дальше!

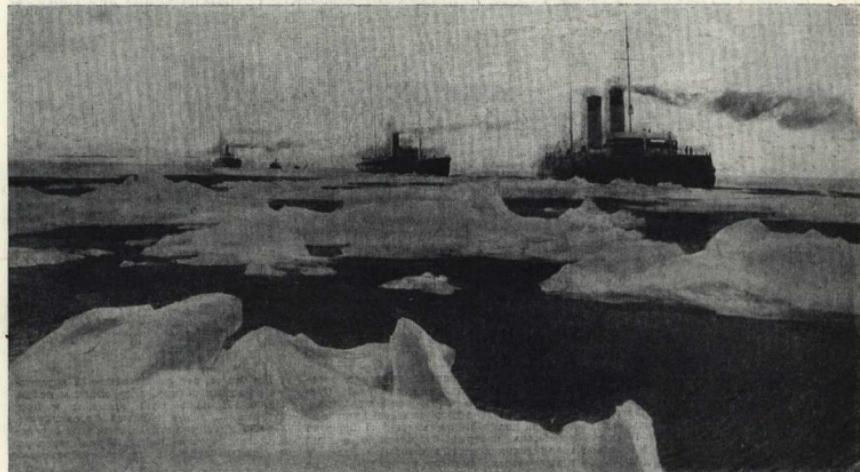
Я держу в руках исправленную бумажку, на которую возлагалась все надежды в долгий и замятный день 30 июня 1929 года, когда изнутри этих строк налихке покидал Ленинград:

«В комсомольскую организацию Владивостока. Райком ВЛКСМ Московско-Нарва-

— Пока погада. Но...

— Пожалуйста, Бадигин! Поймите, что плавает на корабле — совсем не такое простое занятие... На что вы, чорт побери, рассчитываете?! — сделав паузу, инструктор продолжает — На ваше счастье сегодня ими покинут и плавают... и нужны люди на «Ильмегирку». Но если вас спнущут оттуда как беспомощного человека, мы вам больше ничем помочь не сможем...

Но последние слова можно пропустить мимо ушей; самое главное — это то, что на «Ильмегирку» нужны люди. А в порту горорвались, чтобы попасть на корабль в рейс. И какой рейс Владивосток — Харбайт. Петропавловск на Камчатке. Значит, значит, это будет настояще морское крещение...

Ледокол «Красин» проводит караван судов.

© мастерша М. Бубликова.

держать честь хамовнических штукатуров.

С с мечтой, которую ты несети с детства, не так легко проститься. Тебя тянет поближе к морю. И ты перебираешься в Ленинград, чтобы хоть издалека глядеть на корабли. Но работаешь здесь не очень просто. Вот она, подуставшая бумага со штампом Московско-Нарвского райкома комсомола, адресованная в обком:

«Райком ВЛКСМ просит помочь тов. Бадигину поступить на фабрику «Красный водник». В материалах обследования тов. Бадигин числится отстраняющимся и состоит на бирже труда по первой группе».

«Райкому речь имеет значение об этой фабрике? Но ведь это же понятие: фабрика делает тяжелым для корабля, а тот, кто хочет стать моряком, должен прокраснить их оснастку».

Работа на фабрике идет своим чередом. А после работы — снова спорт и книги. Интереснее всего забраться на весь вечер в публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина. Здесь можно добыть все, чего пожелаешь, даже комплекты газеты «Красного знамени», которая выходит во Вла-

ского района холатайствует о содействии тов. Бадигину К. С. в поступлении в Сортрафт. Тов. Бадигин в комсомоле с 1927 года. За время пребывания в коллективе фабрики «Красный водник» принял участие в установке и эксплуатации первого отечественного радиатор стоянгажа тяжелых моряков. Другие нагрузки исполнила также с сопственностью и большой умелостью...»

Далека дорога до Владивостока! Неважно чувствуешь себя, если в твоем бумажнике ни грона, а единиц ты в городе, где нет ни одного родственника, ни одного знакомого. Но вот в порту находятся добрые люди, которые разрешают переночевать в их общежитии, а на утро в городской комсомоле промывают достопримечательный разговор с инструктором по водному транспорту:

— Зачем вы скда приехали? — строго спрашивает инструктор, критически оглядывая незнакомого долговязого юношу.

— Чтобы стать моряком Тихоокеанского флота.

— Вы плавали?

- Пока нет. Но буду...
- У вас есть деньги?
- Пока нет. Но будут...
- Где вы остановились?

И вот старая, заслуженная «Ильмегирка» уходит в море. Построенная в прошлом веке для перевозки чая из Китая в Лондон, она еще сохранила следы бычего величия. Странная узкая оконная вышинутина, полные бушил, и длинная труба, матовые блесты и странные драконы на стеклах окон и из клют-компинии — настоящий двойник тех пакетботов, на которых благородные герои Жюль Верна совершили свою путешествия.

А дальше... О том, что было дальше, рассказывать не буду. Я исправленная книжечка, которой однадцать лет назад включена фотография молодого матроса в тельнице и кожанке:

«Мореходная книжка № 2377/30475. Выдана из управления Владивостокского порта СССР 17 ноября 1929 года. Время рождения — 1910 г. Морское звание или специальность — матрос II класса».

Далека дорога до Владивостока! Судов и должностей — предметная лотоска плаваний, событий и встреч. служащих школой практического и политического воспитания каждого младшего моряка.

Бол краткая запись: «Пароход «Симферополь», штурман-практиканты студенты

владивостокского морского техникума: мало плавали — 1 сентября 1930 года — 25 октября 1930 года». Глаз стороннего человека скользят мимо этой пометки в мореходной книжке. А сколько воспоминаний вызывает она у тех, кому пришлось принять участие в этом засаечном рейсе!

Последняя дальневосточная осень. Ставропольский пароход «Симферополь» выходит в последний рейс: Владивосток — восточный берег Сахалина — Владивосток. Пока еще пустынny салхалинский берег мало приспособлен для нужд навигации — на сотни километров ни одного маяка, ни обозначения на берегу, ни даже надписи салхалинские течения, гидрографическая изученность песчаные косы крайне затрудняют мореплавание. И вот, глахой ночью, когда все покрут окутано непроницаемым мраком, «Симферополь» с баржей на буксире садится на мель недалеко от берега.

Все попытки сняться с этой мелью ни к чему не приводят: забытые моряками деревья и камни всплывают из воды. Могут ли на море разыгрываться грозные сны? Гигантские водяные волны один за другим обрушиваются на беспомощный пароход. Это отзыски одной из тех алых синяковских, которые время от времени выбрасывают называнием Тихий океан.

Положение становится серьезным. На пароходе сотни пассажиров, возвращающихся домой на материк. Среди них много женщин, детей. Тромбы переполнены грузами. Налычи завалены какими-то личинками, бочкиами, тюками, среди которых даже мы, практиканты владивостокского морского техникума, а также грузы Пермского пароходства, прибывшие по всем штампам. Уже через несколько часов этого сумасшедшего дрифта по грунту он приходит в самое жалкое состояние, какое только можно представить: котлы сдвинуты с места, паропроводы оборваны, амисты обшивки разошлись и пропускают воду, сено погасло. Среди пассажиров начиняется паника.

Радиостанция уже послала в эфир многочисленные буфеты SOS.

В ответ приходят однообразные телеграммы, способные убить всякую надежду на спасение:

— Салому. Иду на помощь. Буду возле вас через шесть суток...

— Салому. Иду на помощь. Буду через пять суток...

— Салому. Держитесь. Подойду через шесть суток...

Пустынны дальневосточные моря в это время года почти не посещались кораблями, и одна из причин тому пароход соучинила побадяжку. Когда на горизонте показался его дымок, все надежды с облегчением. Но японский пароход остановился в нескольких милях от «Симферополя», и оттуда передали дипломатическую телеграмму:

«Пришлите представителя для переговоров!»

Кому начинать переговоры? Не лучше ли позаботиться и начать спасение людей? Разгадка проста. У хозяина парохода не было желания ввязываться в эту историю, они хотели только соблюсти формальности если наши представители не смогут добратся до них, они скроут себя подобными от обстоятельств, находясь на них международным морским кодексом.

Излиятный расчет был составлен очень тонко. Но мы не могли отказаться от помощи на подошедшем пароходе смотреть с национальной сотни женщины и дети, пассажиры «Симферополя». И капитан отдал приказ: «Спасибо тебе, буду с тобой».

Люди, whom воловодил плавать во время прибоя, знают, как трудно проложить эти несколько метров, отделяющих оружие от сущих. Волна набегает на волну, кажется, ты уже чувствуешь камни под ногами, но в это время на тебя обрушивается новая волна воды, ты глухонеши, слепнеши и приходишь в себя лишь далеко от берега. На этот же раз труслинцы борьбы с прибоем уступались временем

и, хладнокровный и волевой моряк, скомандовал:

— Второй борт на воду. Командует старший помощник...

На этот раз морякам удалось благополучно спуститься на воду. Но тут же подхватило огромным водяным взлом с ленивой спесью. И мы, потом извернувшись обратно к кораблю, снова отбрасывало и опрокинул. Тяжелый борт накрыл людей.

Все это произошло буквально в течение одной минуты. Я оглушился на капитана. Он побагровел, жеваки скла хихикали.

— Четвертый на воду...

Могла ли уткая чечетка устоять против волн, которые в течение считанных секунд вывали из строя два больших бора? Но для сомнений не было времени: в адяниной воде погибли наши товарищи, и мы не имели никакого права оставить их на борту.

Моряки бросились исполнять команду. Спустя мгновение четвертая запрыгнула на волнах. Я обернулся. На мгновение в шлюпоблок образовалось пустое пространство: авария двинула спасательные боты тяжело подействовала на людей и никому не хотелось опускаться в четвертую пургу. Кто-то крикнул: «Ну что ж, я иду с вами, поплыю». Еще одиннадцати и ее выбросило разбить бор на борт. Не думал я будущим, я скользнула вниз и села на заслону.

Только теперь я почувствовала всю силу шторма. Сказать, как четверка выглядела на воде, как соломинка было бы преувеличением. Но кроме того, что я плавала в чистой засланной воде, Вероятно, через полминуты за мной последовала моя товарища Ярославцева. Вслед за тем в четвертую скосынули студент Иванов, а за него для котегра и председателя судкома, матрос I класса Чочия, севшим сразу же на руль. И я, сидя на борту и сидя на заслоне в белесой воде, наблюдала.

Я успела лишь рассмотреть, что люди из-под переворнувшегося бота уже умирали. Они вскарабкались на киль, и теперь прибой меландро нес их вместе с ботом к земле. Лишь один человек остался в воде. Он как-то странно окунулся в воду, и я не поняла, что это вспомнилось из прошлого. Высокодетство выяснилось, что это был мой товарищ по морскому техникуму, комсомолец Володя Цехович. В тот момент, когда бот перевернулся, его обнял якорный трос тяжелый якорь пошел ко дну, и трос задушил моряка. В этом месте было мелко. Помимо якорного узла, затянутый вокруг шторма Цехович находился совсем близко от поверхности воды, и тело несчастного болтался на волнах.

Мы еще не знали, что Цехович мертв, и из всех сил сгребли к нему. Однако первый же якорь водил вырывал из шлюпки троса, выбыл и унесло второе волно. Тенорь шлюпки неистово швырьшил с носа на корму, ставя ее едва не вертикально. После каждого удара она до краев наполнялась водой, и мы не успевали ее вычерпывать.

Люди, whom сбрасывали с себя одежду, чтобы оставаться подстильщиком, сидя, лишенной управления и сделавшуюся игрушкой водой. Ноожкиндано нас швырнуло к самому берегу. На мутнобледные гряды прибол. Чочия скомандовал:

— Оставайтесь шлангом! Прийдя в споры...

Люди, whom воловодил плавать во время прибоя, знают, как трудно проложить эти несколько метров, отделяющих оружие от сущих. Волна набегает на волну, кажется, ты уже чувствуешь камни под ногами, но в это время на тебя обрушивается новая волна воды, ты глухонеши, слепнеши и приходишь в себя лишь далеко от берега. На этот же раз труслинцы борьбы с прибоем уступались временем

года: вода была ледяная, и судороги своим руки и ноги.

Все же, кое-кто, мы избыты и окровавленные, выбрались на песок. Вслед за нами море высыпало на нашу четырьку. За киль которого уцепились наши подавленные товарищи, также приблизились к берегу. Но оттуда волна волной бегом к нам на помощь и подоспела во время обесцеливание, наглоизвращающие волны и окоченевшие люди не смогли бы сами выбраться на сушу. Нам пришлось вытаскивать своих товарищ из одиночке. С «Симферополя» тревожно наблюдала за нами морская погодка. Но мы не видели ее. И чтобы ответить на вопрос, мучивший команду парохода, кто-то из нас скватах блодом доски и гигантским буквами вычертит на песчаном пляже:

— Чехович нет...

Японский пароход все также беззмятежно покачивался на волнах, не исключая и «Симферополя». Вымытый из моря в одиннадцати сутках он снял якоря и вела курс на юг. Скоро его мачты исчезли за горизонтом.

Через тридцать штурм шторма исчез. А еще через день к нам на помощь подоспела японская пароходы «Георгий Константин» и «Приморье» и лодка «Борис Никитин». Они соединились с нами и спасли «Симферополь» с мелю и отвели его во Владивосток. Так закончилась эта история, отмеченная в моей мореходной книжке двумя словами: «малое плавание»...

* * *

Я долго перелистывала страницы мореходной книжки. Каждая запись будила в себе и новые воспоминания. Первые рейсы вокруг Европы и Азии, «Борис Никитин». Они соединились с нами и спасли «Симферополь» с мелю и отвели его во Владивосток. Так закончилась эта история, отмеченная в моей мореходной книжке двумя словами: «малое плавание»...

Но вновь вновь перечитала «Алеко», «Король», 13 апреля 1935 года — 29 октября 1936 года... И сразу вспомнилась большая и пожай, решавшаяся в жизни.

Это было после того, как я окончила Владивостокский морской техникум, плавала штурманом на различных судах и приобрела известный опыт мореплавания. Приходилось совершенствовать довольно далекие и сложные рейсы. Ни разу такие рейсы мы не уже не удавались. Быть членом экипажа не ограничивается достиженными.

Мне хотелось поработать в трудных условиях Арктики. И когда я узнала, что ЦК ВЛКСМ комплектует комсомольский экипаж краснознаменного ледокола «Красин», меня погнало на этот прославленный корабль.

И мое мореходное путешествие в графе «Должности» помечается пометкой: «Назначен 3-м помощником капитана лайнера ледокола «Красин».

О плаваниях на «Красине» можно было бы рассказывать очень много. За эти погоды года мы лавжами побывали у острова Врангеля, несколько раз посетили остров Святой Екатерины, проплыли мимо острова Колымы, ядов и посетили морозами Охотское, Берингово, Чукотское, Восточно-Сибирское моря, — одним словом, неистощимо настолько боевую ледовую службу.

Плавание во льдах совсем не похоже на обычные рейсы. Здесь требуется помимо совершенного знания судовождения особое умение распознавать ледовую обстановку, решительность, для чего нужны пристальные, трехкратные, скользящий расчет. Естественно, что виномету мне пришлось учиться на ледоколе заново.

Командование ледоколом в то время молодой способный капитан М. П. Белоусов.

Вспоминаются суровые штормы, густые туманы, жестокие ледовые буи. Но как бы трудно ни приходилось, наш хладнокров-

ный капитан не торпался, не суетился, не колебалася. Принял определенное решение, на любой ценой добивался его выполнения.

Мы, молодые моряки «Красина», старались так, чтобы в нашем рабочем обществе было быстро, энергично и без колебаний. Вначале это не всегда удавалось. Но постепенно и мы усвоивали спокойный, деловитый и решительный стиль работы полярных мореплавателей.

Вот один из эпизодов того времени.

Мы Сердце-Камень, Угромый, безразличный берег — камни, але мы стоим на якоре, борт о борт с угольщиком «Миконом», принимаем эшелон. Состоит из трех якорных линий альбиноса. Они медленно приближаются к берегу. Кажется будто эти альбины едва подплывают, но вот одна из них мимоходом толкнула угольщик в борт, и тот тут дернулся с места, что трес, соединивший «Микона» с «Красином», вырвался, сорвал кинувшую плавнику и смая, покрути.

По вахте передали распоряжение капитану: там подплывают излучистые альлы близко к судну, как бы мирно они ни выглядели. Их надо вооружены изрыть аммоилем, иначе дело может кончиться худо.

Теперь моя очередь заступать на вахту. Помимо указания капитана, сделанные моему предшественнику, я внимательно слежу за тем, как ведутся работы на берегу. Вокруг кружатся альбины, излучистые, подплывают к берегу наших судов. Подплывшие матросы уже заготовили несколько солидных зарядов: четвертьчатые бутылки, набитые желтоватой массой аммонита. В горышиком пропущен бихордов шнур с детонатором на конце. Одной такой порции достаточно, чтобы поднять на воздух сотню тонн альда.

Из-за опасности взрыва, медленно почкачиваясь, громкая альдина придушила форму. Угловатая, неприветливая, она имеет посредине какую-то глубокую пещеру вроде тоннеля. Алучший скажишины для взрывания аммонита не сделан бы даже самый ловкий подрывник.

Видимо, капитан — команда и вахтенную матросу Хохлову.

Ловкий спортсмен, комсомолец Андреяша Хохлов любит такие альхи поручаться. И через минуту мы вдвоем уже мчимся в углубление парусной байдаркой на встречу зловещей альдине. Хохлов энергично гребет вперед, а я прислоняюсь к гребельной трапеции, забываясь глубинами, наполненными аммонитом.

Альдина оказалась довольно каверзной. То, что я видела с плаваю, было лишь не большим островком, поднимавшимся над поверхностью воды. Погружаясь в это островок, под водой, на глубину около 50 сантиметров, я увидела во все сплошь широко раскрытыми закрытиями альды. Добираться вброд к островку рискованно: можно поскользнуться и разбить бутыль.

Но раздумывать некогда: альдина поле

уже приближается к «Микону». Я решил что бы то ни было, придется посередине ее взорвать ее. Андреяша Хохлов решительными взмахами весел вблизи байдарку на закрытии.

Всюко на ледяной островке, я осторожно спускаю четверть с аммонитом в расщелину и зажигаю бихордов шнур.

Пенепера глубока. Тяжелая бутыль со сквозь дымящимися концами шнур, рассчитанный на 45 секунд горения.

Теперь надо возможно скорее выбираться отсюда. Меньше чем через минуту альдина взлетит в воздух. Я прыгну в байдарку, Хохлов ударяет веслом по воде, но... байдарка остается на месте. Мы застряли, словно ворсистым образом застряли в пасти из мощного заряда аммонита, который вот-вот взорвется. Изъязченная бутыль с аммонитом из глубокой и узкой расщелины теперь уже невозможна.

Прошло еще несколько мгновений. Все наши усилия отворяться от альдина были тщетными. Наконец, на исходе тридцатой

секунды, когда мы уже готовились принять на себя всю силу взрыва и выпустить что либо из байдарки, легкий багровый хлынувший из него и из всех снарядов отталкивается от прокаленного ледяного острова. Наконец, байдарка дрогнула и скользнула на воду. Едва Хохлов успел сделать два взмаха веслами, как раздался оглушительный грехот, и нас обдало дымом мелких ледяных осколков. На том месте где только что стояла байдарка, с легкостью мухи взлетели гигантские гамбы.

Мы с Андреем поглядели друг на друга и неожиданно рассмеялись. Несколько секунд назад нам было не до смеха.

* * *

В сущности говоря, каждый советский моряк, которому довелось плавать столько же, сколько и мне, мог бы рассказать немало таких историй. Я прихожу их здесь именно для того, чтобы показать, как сама жизнь формирует героя-подростка. Но оно не выучишься за пару-три опыта, зато научу умение справляться собой. После каждого дальнего рейса я чувствовал себя как-то старше, серьезнее, собранные.

Когда теперь оглядываешься на проденный путь, видишь ты школу, которую проходил в плаваниях, заставлял тебя статьильной и энергичной рабочей ногой и собой.

Сначала это были кружки и школы технической грамоты, потом Владивостокский мореходный техникум, который я окончил почти без отрывов от производств, потом самообразование. Я приобрел этим путем квалификацию штурмана-специалиста и знания, необходимые капитану.

Комсомол и партия вооружили меня политически. Я всегда активно участвовал в партийной и комсомольской работе, был секретарем комсомольских ячеек на многих судах, принимал участие в деятельности интернациональных клубов.

Когда в дрейфующем айле Арктике я принял командование на байдарку «Содом», я наилучший минор химического олимпиады смог справляться с трудным и ответственным заданием партии и правительства.

Была уже поздний вечер, когда я закинула письмо пионерам, в котором кратко описала свой жизненный путь. Засунув бумаги и документы в ящики стола, я вышла на заливу, чтобы посмотреть, не утихла ли пурга.

Но вместо синевы пурга над айлами, зумывая тучи снежной пыли, гряда голубых торосов напомнила внезапно окаменевший прибой. Сквозь пургу просвечивал бледный диск солнца, окруженный двумя концентрическими кругами. Это явление, именуемое на языке метеорологии двойным прибоем, произошло вскоре после восхода солнца, побудило утром фантастический колорит. Как то даже не верилось, что где-то поблизости есть живые люди, которые трутся, мыслят, как-то маневрируют и ухитряются второй год отражать нападения ледовой стихии.

Но вот откуда-то сквозь снег и волны донеслась веселая песенка, зазвучавшая смело и ярко. Я не сразу поняла, что это: один альбин, худощавый, в соленой машине, со складным лицом, и другой, чуть пониже и пополегче, в коротком патинике и с караимом за плечом. Это Буйницкий и Гамников возвращались с очередных магнитных наблюдений.

И вот это слово звучало на ушах: как бы нам залась пурга, как бы мы бы сорвались в снегопаде с тем, какой знает Богальная Земля, мы живем, трудимся и продолжаем творить дело, доверенное нам родиной.

Из книги «На «Седове» через Ледовитый океан».

ЛЕРМОНТОВУ

В той стране, чудесной и далекой,
У подножий горных Машука
На тебя судьбы жестокой
Поднялась кровавая рука.

Ты сражен был пулею наемной,
Над тобою отшумел рассвет,
И в России, крепости и темной,
Ты замолк, изволивший поэт.

Ты погиб, о смелый, гордый гений,
Не застас рассета ясных дней,
Ты погиб, но в нашем поколении
Ты не умер с песнею своей.

Сергей ЛИСИЦЫН,
ученик 10-го класса школы № 23.
Город Калинин.

ВЕЧА

Все это:

Облачных стай белизна,
Неба бескрайнего голубизна,
Волжских родных берегов крутизна,
Полупросохших дорог кривизна,
Радостей полная чаша без дна,
Мыслей, стремлений твоих новизна —
Все это вместе —
Весна.

Юрий ГРУНИН,
ученик Художественного училища,
Город Казань.

ОСЕНЬ

Осень украсила золотом сад,
Медью — леса.
Снова одетая в пышный наряд
Вышла листа.
Степь не сверкнет уж снежностью трав,
Морем цветов.
Ветер, увивши листья собрав,
Выжглила ров.
Небо нахмурится тучами вдруг,
Будут дожди.
Птицы карараван стремятся на юг.
Что вперед?

Ал. КРЯЧКО,
ученик 10-го класса
От. Жаловань, Воронежской области.

Атака с танками. Тактические учения Московского военного округа (1939 год).

ПРИКАЗ КОМАНДИРА-ЗАКОН

Майор П. Ф. ТЕРЕШКИН,
Герой Советского Союза

Десять лет тому назад я пришел из колхоза в Красную Армию. Принимали к новой, необычной обстановке мне сначала было трудно.

С детства я рос без отца. Делал, что хотел, никоим моя не останавливали, если я поступал вовремя и не забывал про строго определенный график и правильно соединял гряд с отцом. А в армии все-таки и иногда приходилось заниматься установленному порядку. Не всегда это было приятно. Например обедать полагалось в 2 часах дня, а это время есть мне не хотелось. Я должен был вынужденно спать со всеми вместе в 11 часов, тогда как просыпался бы поздно к книгу или концертам в гармонь. Мне надоедала подозрительность в строю, а выйти из строя без разрешения лейделя было.

Первое время я не понимал, зачем нужны такие обязательства для всех правила. Я еще не знал, что армия — это сложнейший боевой механизм, и чтобы его нормально функционировать, необходимо. А для того чтобы каждого красноармейца в людях — никогда — никогда выполнять порученные ему обязанности, его с первых же дней пребывания в казарме приучают к строжайшей дисциплине.

Дисциплина — это мечтать. Некоторые думают, что вынуждать приказанием командира лучше заставить быть дисциплинированным. На самом деле по-настоящему дисциплинируют тот красноармеец, который не только беспрекословно выполняет приказания командиров, но и подчиняет строгому порядку каждый свой шаг, каждый поступок, всегда подобран, всегда вежлив.

Возьмем простые примеры. Отоварилась путаница от шлема, а боец поднялся ее пристроить. Во время похода поднялся морозный ветер. Шлем у бойца не застегнулся, предержавший его руки изгнали — руки заняты оружием. Боец отворил лицо и вымылся из строя. Если неправильно измотана портника, красноармеец на-

трет искту, значит отсыпавшую, а то и совсем не может лягь. Ясно, что от такого красноармейца в бою никакой пользы не будет.

Дисциплинированного бойца сразу узнаешь по внешности. Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, как-то сказал:

— Пожалуйте мне, как заправлен боец, и я скажу вам, какая дисциплина в вашей части. Если боев не следят за собой, если он не побирят, если гимнастика у него плохо запривет и если он не может как следует, как будто самому себе, выгнать зачину, он не дисциплинирован и плохо подготовлен. У такого бойца и оружие может оказаться испорченным, и в бою он может подвести товарищей.

Боев, привычный к тонкости и аккуратности во всех аспектах службы, будет четко и правильно выполнять все приказания командиров. А малейшая небрежность при выполнении приказаний грозит очень серьезными последствиями.

История войны знает немало примеров, когда ненадлежащее приказание приводило к жестоким поражениям. Вот, например, что произошло во время русско-японской войны 1904—1905 года.

Несколько японских армий осаждали Порт-Артур. Наш 5-й Сибирский полк обороны перенес, соединивший крепость с фронтом. У японцев было огромное превосходство сил. Они бросили в наступление на 5-й полк четыре дивизии. Но русские не сдавали своих позиций. Для того чтобы облегчить положение наших войск на этом участке, генерал Куропаткин приказал отступать от города на 10 километров. Он дал приказ: «Все, кто не успеет отойти в рельеф, уничтожить себя». Там, Энси спрятал в ящике, на поле с половины тысячи человек, командовал генерал Минценко. Он должен был разрушить железную дорогу и мосты, по которым японцы подносили к фронту пополнения боеприпасами, и уничтожить воинский склад на станции Инкоу. К важнейшему боевому приказу

Минценко отреагировал с преступным легкомыслием. Вместо быстрого, легковесного продвижения в тыл противника Минценко за полтора суток прошел всего 90 километров (скорость движения пехоты). Располагая большими силами, он выслал на железную дорогу всего несколько кавалерийских разводов, которые кое-где взорвали рельсы и порвали телеграфные провода. Дорожек были настолько широки, что японцы, что вынуждены были из-за них выстроиться в две колонны. Мосты и вспомогательные сооружения были разрушены за считанные часы. Мосты и вспомогательные сооружения были разрушены за считанные часы. Мосты и вспомогательные сооружения были разрушены за считанные часы. Минценко не мог помешать японцам перебросить на фронт подкрепления. Японцы заняли русские позиции почти целиком, уничтожили германскую сражавшуюся в 5-й Сибирской полк. Неудачные действия генерала Минценко сподвигли начальника Порт-Артура и пропагандиста всей кампании — генерала Игнатиева — на появление в прессе.

Среди командного состава японской армии также легкомысленное отношение к дисциплине встречалось нередко. Генералы и офицеры требовали от солдат едкого повиновения, а сами зачастую выполняли на приказы начальников только то, что считали нужным. Подобные случаи приводят комиссия Игнатиева в своей книге «Пятьдесят лет в строю». Так, например в один из дней из гарнизона Игнатиев был общий стелесмотр на почту постыдил офицера за пропажу по полку. Дежурный офицер пренебрежительно указывался спать, хотя по уставу это строго запрещалось. Тот же офицер не задумался бы поставить солдата на несколько часов «под инспекцию», если бы застал его спящим на посту. Бесподобная строгость к солдатам, всяческие побоища офицеров — так выглядела дисциплина японской армии.

Подобное относение к дисциплине совершенно чуждо коммунистической Красной Армии. Наша команда — это же требовательна к себе, как и к красноармейцам. В Красной Армии не может быть различных мер для красноармейцев и командиров.

Дисциплина существует во всех армиях. Но в буржуазной армии дисциплина обесцвечивает солдата, убивает в нем все лучшие человеческие качества, превращает его в слепого исполнителя воли начальников. А советская дисциплина воли начальников, морально и физически, имеет политические сознательных, мужественных, беспредельно преданных родине граждан. Дисциплина в Красной Армии неотличима от политического воспитания. Чем сознательнее бои, чем лучше он понимает, во имя чего он служит в рядах Красной Армии и идет в бой, тем он дисциплинированнее. И наоборот, в армии, где нет подготовленных боевиков и командиров. Оно служит примером беспроблемным товарищам. Недаром красноармейцы считают за особую честь быть принятими в партию перед боем.

Дисциплина в Красной Армии не подавляет инициативы бойца и командира, а, наоборот, развивает ее. Но просто выполнить приказание, а выполнять его как можно лучше — это не всегда то же самое. Важно, чтобы инициатива, стремление к каждому совершенству, и храбрость не были оценены «bastionno» и хебствовано так, как в данный момент наиболее целесообразно.

Воинская часть — это крепко сколоченный коллектив. Без дисциплины, которой неуклонно подчиняются все — от рядового бойца до старшего начальника, — часть была бы небесспорна. «Войско без дисциплины разрастается в сброда» — так четко и точно выражал эту мысль товарищ Сталин.

Насколько велика кила хорошо подготовленной, дисциплинированной, крепко сколоченной части, показали, например, бои на сопке Зоерий в 1938 году.

Был тот знаменитый отрыв пограничников. На нас наступали два вражеских полка, и мы, тем не менее в течение десяти часов отбивали их атаки и наносили им большие потери. Чем об窘нствует наш успех? В первую очередь отличной дисциплиной в отряде.

Перед боем мне не пришлось вести длинных разговоров. Я только сказал: «Каждому надо быть готовым к тому, что с претензиями», и все уже знали, что это значит. У всех оружие было в полной исправности и готово к бою. Отлично ухаживал за своим стаканом пулеметом комсомолец Гарторин, и его пулемет работал бездействием десять часов подряд. За это время раз десять меняли воду, много раз меняли стволы, но пулемет действовал без единого перебоя до тех пор, пока в него не попал вражеский снаряд.

На «отлично» подготовлено было оружие, на «отлично» подготовлены были люди. Какое огромное мужество и самообладание, какую выносливость надо было пронести Тараторину, чтобы в течение десяти часов стрелять из пулемета под огнем противника, чтобы не заснуть сильнейшим противником! На это способен только высокосознательный, обладающий исконно-комсомольской волей боевик. Таким и был отважный комсомолец Тараторин.

Всю же помогают каждому и каждый помогают всем. Красноармеец не задумывается о счастье жизни товарища, даже ценой собственной гибели. И он знает, что другой боевик постараится помочь ему. Командир же всегда берегет своих подчиненных, он никогда не станет подвергать их опасности зря. Войцы, зная, что они во всех случаях могут положиться на своего командира, в свою очередь всегда постараются помочь ему в случае опасности. Это ясно показал бой у сопки Зоерий.

Еще до того как пулемет Тараторина оказался выведенным из строя, сам пулеметчик был ранен и упал на землю. Рядом с он был ранен и упал на землю. Рядом с ним находился еще один пулеметчик, который, несмотря на ранение, продолжал вести огонь. Но комсомолец устоял на ногах, чтобы члены экипажа не забыли о том, что на них нападают враги. Он показывал салюту Шмакову, чтобы набивать пулеметные ленты патронами, чтобы при стрельбе не было задержек. Другие пулеметчики тоже получили ранения, поэтому и сам летяжка пулемет и стал вести огонь, а не комсомолец. Тараторин, раненый пулеметчик, убежал подальше, чтобы не мешать. Тараторин поклонился мне, агрором русской и зулу, разорвал белые, стал перевязывать рану. В этот момент его срастил осколок снаряда.

Перед смертью Тараторин успел крикнуть: «Отстомите за меня, не пускайте японцев!» Комсомолец Тараторин вел себя как примерный боевик до последнего мгновения своей жизни и погиб как герой.

В бою я получал восьмь ран и не мог двигаться. Меня разнесло вдребезги. Но мой командир Батарашинский Герой Советского Союза: «Если мы выйдем отсюда вместе, товарищ командир», — сказал он, — или вместе погибнем». Он донес меня до озера Хасой. На берегу озера воззывались две сопки. С одной сопки в нас непрерывно стреляли, камни, срезанные пулями, падали на наши головы. Другая сопка молчала, но ее тоже стреляли. Я знал, что были японцы. Но кто занимал вторую сопку? Тараторин решил пойти на разведку. Он забрал у меня наган, повесил себе на грудь гранату

и сказал: «Если это противник, я рассстреляю все патроны и заложу себя гранатой; а если это друзья, то я вернусь к вам дважды на помощь». Он встал во весь рост и пошел на направление к сопке. Вот он уже близко от сопки. Но все тихо. Сопка молчала. Что это значит?

Батарашин вернулся ко мне, и не один, а с тремя. Меня подняли в танк и доставили в госпиталь. Но через некоторое время танк остановился. Дальше надо было идти по дороге, которая жестоко обстреливалась вражескими батареями, или плыть через озеро. Батарашин призвал меня к спине и отправил вильять.

Младший коммандир Батарашин показал высокий образец дисциплины и инициативы: он не остановился ни перед трудностями, ни перед опасностями, чтобы выполнить боевую задачу, которую сам себе поставил, — спасти живых командиров.

Так воинская дисциплина воспитывает и укрепляет в советском гражданине замечательные человеческие качества: исконно-комсомольское мужество и умение найти выход из труднейших положений.

Осенью 1940 года сотни тысяч молодых граждан вошли в ряды Красной Армии. Молодежь к годам службы будет иметь законченное среднее образование. Но одного образования для того, чтобы успешно овладевать военными знаниями недостаточно. Для этого нужны также и образованные дисциплины.

Непосредственными наставниками и воспитателями молодых боевых фронтовых коммандиров являются старшие коммандиры по своему культурному уровню ниже молодого красноармейца, пришедшего в армию из средней школы. Но младший коммандир, если даже он и не имеет среднего образования, наименее выше молодого красноармейца и по своей боевой выучке и по своей дисциплинированности. Желательно, чтобы помимо дисциплинированных, отличных воинской техники бойцами, младший коммандир ведет свое подразделение в бой, подвергаясь тем же опасностям, что и его бойцы. Из младших коммандиров выковываются великолепные боевые кадры. Сотни Героев Советского Союза — ветераны младших коммандиров.

Какаждый гражданин, гражданину, вступающему в ряды армии, необходимо твердо усвоить, что приказ коммандира — закон, а соединительная дисциплина — основа нашей доблестной, непобедимой Красной Армии.

Фото Н. Соловьева

Занятия на миниатюр-полигоне. На снимке (слева направо): отличник учебы заместитель политрука И. А. Краснов определяет буссолю цели, лейтенант П. А. Бормат указывает цель отделенному коммандиру, отличнику учебы комсомолцу П. М. Немченко (Уральский военный округ).

ВСТУПАЯ В ЖИЗНЬ...

Молодежь, по горло занятая и жарко увлеченная учебой, комсомольской работой, дружбой, спортом, резко оглядывается на пройденный ею в жизни короткий путь, лишь изредка задумывается о своем будущем. Все вокруг так живо, интересно, увлекательно! И работа горячая и товарищия мыль. Всюду наставляют шагать молодым, прорывистым, воодушевленным настроем жизни — только ветерок ветреный и сильный ветерок прорвет чубы и локомы.

Но бывают дни, когда наверное задерживается шаг и набегает на лица легкое облачко задумчивости. Календарный новый год, день рождения или другая памятная дата заставляет задуматься. Юноши и девушки в такие дни ощущают, что всплывают в памяти музажи, что открывается новая страница в личной истории. Мысли летят в будущее: «Что принесет мне новый год?» «Как развернется дальше моя жизнь?» Особенно настойчиво это чувство от момента окончания средней школы.

В конце прошлого года многие юноши и девушки нашей страны кончат дипломатуку. Они прощаются со школой, с ее стезями, в которых начались созидаельные формирования человека, с партами, которые послужили столом уж как-нибудь, и с креслами, окруженными пылью. Целые десятилеяя росли здесь люди, а теперь перегорели рамки школы. Надо распрощаться с преподавателями, отдавшими своему воспитанию столько старательных забот, любви и сил. Разойдутся с товарищами: кто вступит в ряды Красной Армии, кто найдет свое место на производстве в сельском хозяйстве, кто продолжит учбу в высшей школе.

Десятки тысяч молодых людей, представителей новой, советской интеллигенции, пришли сегодня на шумный уловый пункт. Отсюда, как из краинной железнодорожной станции, бежали колонны пешим шагом к родине, к родной земле, соизволившей родить. Большой сегодня день, большое событие в жизни молодежи! Надо расстаться с товарищами и друзьями, с которыми так сроднили годы совместной учебы, детских игр, юношеских трудов и увлечений. Надо каждому выбирать свою колею, открывать портупею в своем багаже и сунуть в нее свою судьбу.

Непреклонный встарь удостоверяется об окончании средней школы называемый аттестатом зрелости. Владелец аттестата не должен больше ходить на помочках. Он зрелый человек, способный уже на самостоятельные решения, за которые несет полную ответственность и перед обществом и перед самим собой. Еще говорят наизусть: «Каждый сам хозяин своего счастья».

Выбор будущей профессии надо侃侃而谈. надо на собственный страх и риск, после зреющего размышления и в полном соответствии со своими силами, действительными способностями и естественными склонностями. Нет ничего лучше, как самобальзамированная хвастливая перечислена своих возможностей. И нет ничего худшего, как рабство перед будущим, излишне скромная конфузливость, застенчивость, нерешительность, трусоватость, недодознана собственным своим силам. Внедрение и переноска и недоноска могут злоупотреблять, и если не переборщить, то можно, конечно, потерять впечатление. На бесконечно много их в запасе, чтобы расточительствовать.

Напомним социалистическому государству: нужны молодая энергия людей, пропесанные газлы и традиционные руки. Нужны газы, специалисты всех родов оружия: пехотинцы, кавалеристы, танкисты, военные моряки, артиллеристы, летчики, пограничники. Во множестве новых направлений техники, строительства, промышленности, хозяйствования, организаторы. Нужны геологи и агрономы, гидрологи и нефтяники, врачи и учителя, юристы и жур-

налисты. Нужны работники и борцы за коммунизм на всех поприщах жизни. Не знает зарплаты Советский Союз — только подавай рабочие руки. Чем более квалифицированы они, тем лучше.

При выборе будущей профессии надо думать о будущем, говоря о двух пунктах о наилучшем применении в будущем своих профессиональных сил и о наибольшей пользе, которую ты можешь приносить своим трудом обществу.

В своем гимназическом сочинении на тему «Размышления юноши при выборе профессии», Маркс писал:

«...всеми рукою и ладонью я изучал все профессии, ища в каждой из них ту профессию, которая бы соответствовала моим способностям. Я изучал все профессии, имеющие благо человечества, наше собственное счастье и наше счастье в обществе. Не надо думать, что оба эти интереса могут враждебно выступить друг против друга, что один должен уничтожить другой; природа человека устроена так, что он может достичь своего усовершенствования, тем самым работая для счастья и блага всего общества».

«...Если мы выбрали профессию, в которой больше всего можем работать для человечества, то мы не согнемся под тяжестью ее, потому что это — жертва в为我们 всех людях; тогда мы испытываем не жалью, ограничением, а радостью, потому что мы можем счастье привносить миллионы наших детей, но постоянно продолжают действовать, а над нашим практою прорываются горячие слезы благородных людей».

Это писал совсем еще юный Маркс сорок лет назад. В маленьком оренбурге, в его не подростковые еще краслы, чувствуются мозги, которые в будущем сделают Благородное сердце родить весь с ранних лет.

О юношеских размышлениах другого великого деятеля прошлого — Г. Г. Чернышевского — мы узнаем из его дневниковых записей конца 40-х годов. В то время, студентом, Чернышевский мечтал об изобретении машины для измельчения зерна, для измельчения рыбийи. Машиня эта, по мысли юноши, должна была развеять человечество от мучительной заботы о куске хлеба. Чернышевский в ту пору еще не знал, что построение такой машины невозможно. Ему казалось, что у него есть пути только один: трудности: не хватает для работы машины.

19 октября 1849 года он отпраздновал свой день рождения — 21 год. Накануне ночью он защищал в дневниках мысли о будущей деятельности. Юноша Чернышевский мечтает об освобождении крестьян от ига крепостного, о предоставлении политических прав женщинам, о том, чтобы открыть в России как можно больше театров, разрешить пропаганду просвещения, о недавнем введении промышленного предпринимательства и вообще всякой материальной нужды — все будет жить по крайней мере как теперь: жить люди, получающие в год 15—20.000 р. дохода, и это будет осуществлено через мой машину».

Такие мысли в будущее высказывали заметные писатели самых сильных генетических юношеских. Обыкновенно ждал в жизни мучительный труд, и оба не согнулись под также мыслью испытания. Биография Маркса и Чернышевского достаточно известна нашей учащейся молодежи. Напомним только о постоянной материальной нужде Маркса, о борьбе его с сомнениями, о долгих душевных его временах работы над «Капиталом». Мы знаем, что они развились на почве плохого питания организма и перетормозки.

Все, что писал Маркс, было не только яко-во, смело, глубоко, органично, в лучшем смысле слова: это неизменно было какими-либо явлениями, фактами, доказанными его в работе над «Капиталом». Мы знаем, что он прискорбен Генри Маркс, он соединил в ней настоящий переворот, открыл вселу новые глубины, новые миры. Конечно, Маркс

был генапел. Однако дело здесь было не в одной только стихийной генапелю. Чтобы преодолеть в своем мировоззрении Гегеля и всю немецкую классическую буржуазную политэкономию, Сен-Симона, Фурье и французской утопической социализации, необходимо, кроме гения, еще громада знаний во всех областях науки, энциклопедическое образование.

И Маркс, создавая новые научные ценности, попутно овладевал старыми ценостями, расширяя свой круг знаний, дополнял проблемы до конца, то там, где жизнь их учила, то иначе, искажая, искажая, чтобы стать более близкими пророчествам Кара. Да и по количественному оканту Маркс написал колоссально много для одной человеческой жизни. Если можно говорить о герое труда в области науки, то, конечно, одним из величайших в мире героев-пружиников был именно Маркс. Среди этих огромных трудов и творчества, доказавших, что выкованное для него оружие освободит человечество от чумы эксплуатации и порабощения.

Еще более сурово сложилась жизнь Чернышевского. Начав свою литераторскую деятельность, он сразу же обнаружил, что для этого ему придется подрываться благами способом и тайной смигательной свободой, к жизни мог расплатиться подданной царской Россией при тогдашнем паточном режиме. И Чернышевский торопливо скакал самое искаженное, сделай неизложимое. Он редактировал «Сорокадневную газету», в которой, впрочем, к неизменному участию (был одним из ображенных лиц) России своего времени) и одновременно с этим писал по 7—8 печатных листов в месяц. Он успевал в месяц сделать то, что другие люди делаю успевали за год. Но посереди своей книжной деятельности, в расцвете сил, — 35-летнего возраста, он умер 20 сентября 1868 года, вследствие болезни.

Старая винтовка Чернышевский не складывает оружия и в самом тюремном камзете: он пишет здесь свою знаменитую роман «Что делать?» и другие произведения. Затем — гравийная казнь, ссылка в Сибирь, где он провел 12 лет в пустынном Баловске, в самых жестоких условиях, какие могло изобрести налаческое воображение пары. И человек не надломился. Да конца своих дней он остался верен своим революционным идеям, великому делу служению народу.

И в юношеских размышлениах Маркса и Чернышевского в практическом осуществлении их панически есть одна общая черта: эти люди пылали слыть поэты как путь к освобождению человечества.

Невольно вспоминается тут одно глубокое замечание Гегеля: «Великие люди в истории — это те, чьи личные качества делают их более достойными, чем являются в виде своего мирового духа». Ленин в своих «Философических тетрадях» сделал эту мысльку, выделил ее двумя чертами и на полях отметил: «Великие люди».

У Гегеля содержится здесь зерно истинны, которую в периоде с национальным языком можно было бы выразить как «личность первообраз». Так великий чалюх в истории тот, чьи личные, частные цели заключают в себе высшие устремления исторического развития его класса — устремления, совпадающие с интересами всего человечества.

Великие люди — это редкие, исключительные натуры, одаренные от природы генапелностью. Когда человек, не имея для этого интереса, не может встать на варуху, то есть если гении пытается и наступает при этом кризисом погибши, то нет зерница более жалкого и смешного. В 1917 году по русской политичи-

¹ См. стр. 11 этого номера «Сынечка».

ской арены поднимают залпами языки с жестами аль-Наполеон — Черкасский — так большей степени в истории уже давно не было.

В годы революции, в 1907 по 1911 год, среди мелкобуржуазной интеллигентской молодежи расплодилось множество непривычных «гениев». Этому поветрию в сильнейшей мере способствовали политическая и общественная реформы, осуществленные в это время. Идеология «старых» толик инженерской идеологии с ее проповедью «переоценки конности» и культом «спекречеловека». Модные эти идеи получили тогда большое распространение среди мелкобуржуазной интеллигентской молодежи и немало покачнули юношеский и девушеский дух. Уже давно не выдавалось более ярких и смелых образов для публикации.

Одно дело — министр в пустой фантазии генерации, а другое — практические факты, выставляемые высокими и благородными образцами жизни великих людей.

Именно так думал и чувствовал Павел Корчагин, герой повести Н. Островского «Как заработать деньги». Он хотел показать, что можно из этого жизни. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было музыкального болезни за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за поддельное и мелочное прошлое и чтобы, умирая, сумел сказать: все жизни и все силы были отданы самому прекрасному в мире — спасению человечества от капитализма. И надо написать: ведь великая беда — или какая-нибудь трагическая случайность может прервать ее».

Мы знаем, что это мысли самого Н. Островского. Его собственная героическая жизнь прошла перед нашими глазами. Мог ли комсомолец достойной распорядительной силы собой, через свою судьбу, показать? Островский, да и любой другой пример будет ясно жить в сердцах советских людей и вдохновлять на подвиги с такой же силой, как князь Алоизий в свое время революционеров пример жизни Рахметова, героя романа Чернышевского «Что делать?»

«Роман «Что делать?», — вспоминает том Г. Димитрова еще 35 лет тому назад, оказал на меня сильное влияние. Я тогда работал в деревне, тогда первые шаги в революционном движении в Болгарии, необычайно глубокое, неотразимое влияние... На протяжении месяцев я буквально жил с героями Чернышевского. Мог им любоваться в особенности Рахметова. Я становил себе целью быть твердым, выдержаным, честным, доблестным, доброжелательным, заслужить в борьбе трудностей и лишений свою волю и характер, получить сквозь лицо жизни интересов великого дела рабочего класса — одним словом, быть таким, каким представлялся мне этот безупречный герой Чернышевского.

Каковы были результаты этого воспитания и зачатия язы, мы хорошо знаем. Когда на Ленинском процессе поднялась и покорила весь мир германским своим величием фигура Дмитриева, то недаром здесь присутствовал тен Рахметова.

Горький, которому было глубоко присуще чувство жизненной активности, писал в рассказе «Часы»: «Ни жалей себя — это самое гордое начало жизни, ибо из него не может жалеть себя! Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щадящие — вторую; каждого, кто любит красоту, ясно, где величественное».

История русского народа знает целые флаги людей, избранных высшую, величественную форму жизненного горения. Уже в самом начале первого царского режима и засоренной эпохой труда на этих лучших людей страны назывались всей своей грузной тяжестью эжанды и предприниматель, душа, беспри мерно ускоряла сгорание.

Рабочий класс и его авангард, большевистская партия, открыли очищенную войну против угнетателей, против самодержавия и капиталистов, организовали победу Великой Октябрьской социалистической революции.

Трудящиеся Советского Союза под руководством партии Ленина—Сталина построили социалистическое общество.

Та «случая доля», о которой думал сразу после возвращения из Большой Сибирской экспедиции, который не мог лежать в своих современных мечтах перед глазами. Мог ли он знать, что на наших днях. Недаром так быстро городят благородные сердца, недаром льются реки героев-революционеров в борьбе с крепостничеством и царизмом, с толстогузами и наемниками капиталистов, с интересами и интересами царской аристократии и царской мари. Человек тута освобожден. Перед нимющим молодым, вступающим в жизнь новым поколением открываются блестательные перспективы, вольная даль Возможности труда и дальнейшей борьбы за счастье человечества облегчены. Они благородны, как никогда.

У нашей молодежи еще одно прекрасное драматургическое, столь бесценное, что как бы высоко мы его ни ценили, все еще будет недостаточно. Это — социальная сознательность, это — перво-и первостепенное недостаток коммунизму. Это самая передовая в истории человечества марксистско-ленинская теория. Это заветы Ленина, неисчерпаемые сокровища его учения. Это — руководство партии Ленина—Сталина, во главе которой стоит величайший в мире человек.

Молодому поколению нашего времени есть у него учиться благодорудием мыслей и поступков, есть с кого делать жизнь. Оглядываясь назад, в прошлое, мы видим замечательные образы, пленяющие внутренней своей красотой и силой.

На рубеже двух веков поднялись над миром легенды мысли, страстные и беззатемные формы за счастье человечества — Ленин и Сталин.

В эпоху Великой Октябрьской социалистической революции на фоне гражданской войны, в эпоху гражданской и борьбы за будущее, Бородино, Пархоменко и Лазо, Чапаев и Шорса. Оттуда свою прекрасные жизни дали коммунизма Свердлов и Дзержинский, Фрунзе и Киров, Кубышев и Орджоникидзе.

Высокие и благородные образы великих людей сопутствуют нашим соотечественникам, совершающим на благо общества свои замечательные боевые и трудовые подвиги. С первыми днями и ночами и побороды молодые герои, сражавшиеся с ветрами на озерах Хасы, на монгольской границе, у маннергеймовских твердынь. Образ Сталина несет в своих сердцах славные зачинщики стахановского движения, отважные завоеватели Северного полюса, крылатые победители транссибирских перегонов, герои-герои, умные,емые безраздельно отдать все свои силы во славу родины, во славу коммунизма — вот выражение чести героя нашей эпохи.

Быстро проходит короткие дни расставания. С узловый станции по разным колесам додеже понесется молодежь на встречу жизни и борьбы. Крепче всего пусть помнит она призыв нашего вождя, требовавшего от избранных народных депутатов: «Быть честными, правдивыми и честными, как Ленин, бесстрашными в бою и беспощадными к врагам, как Горький».

Вступающий в жизнь молодой советский человек — представитель молодой смены, которую народ выдвигает из своей среды на встречу будущему. Разве это — не почтение, не ответственный долг? Разве не возлагает оно обязанности — на них доверяя, путем, стремясь нарастить на себя политического деятеля ленинского-сталинского типа?

Свою пятидесятилетнюю годовщину творца Стalin так отметил во многочисленные пристрастия со всех концов мира:

«Может не хватить сил, чтобы вынести, что я готов умереть, отдать душу рабочему классу, да пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплю».

Эти замечательные стилистические слова должны быть путеводным маяком для миллионов юношей и девушек, желающих быть достойными продолжателями дела отцов.

КИЕВ

Есть на земле прекрасный город Киев.
И я сама, наизр, не пойм
Моей любви и нежности к нему,
Но рада я, что есть на свете Киев.

А обяснений я искать не буду:
Я все равно не отыщу ответ.
Так есть друзья,
Но есть они повсюду,
И где у нас друзей на свете нет?

И родилась я над другой рекою,
В другом, прекрасном, северном краю,
Но вспомнило Днепр с такой тоскою,
Как вспоминают родину свою.

И в трудный час, с отчаянием сражаясь,
Плацкарту я до Киева куплю
И никому на встречу не пошлю
Обычного

«Встречайте, выезжаю».

Туда приходит поезд поутру,
И, лицом мгновенья не истратив,
Я выйду на каштановый Краснитик,
Пройду его и подымусь к Днепру.

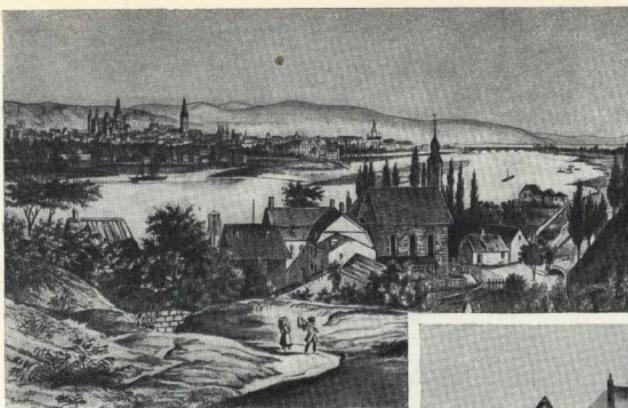
И встану на Владимировой круче,
сразу сердце выйдет на простор,
И снова все покажется мне лучшим,
Чем мне это казалось до сих пор.

Друзья мои, когда придет беда,
Вот вам лекарство лучшее на свете:
Немедленно садитесь в поезда,
И пусть вас повстречают на рассвете
Невиданные равнины города.

Чужие реки потекут впервые,
И медленно обступят вас покой
И все печали снимут как рукой.

Счастливый путь!
Но и поеду в Киев.

Город Трир (Германия, Прейдеская провинция) в середине XIX века. В этом городе 5 мая 1818 года родился Карл Маркс.

Гимназия в г. Трире, в которой учился Карл Маркс.

Карл МАРКС

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЮНОШИ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ

НЕМЕЦКОЕ СОЧИНЕНИЕ*

Мы печатаем отрывки из юношеского сочинения Карла Маркса «Размышления юноши при выборе профессии». История этого сочинения такова.

24 сентября 1835 года Карл Маркс окончил в своем родном городе гимназию и, несмотря на отсутствие средств к существованию, во время школьных экзаменов Маркс написал сочинение, которое называлось «Размышления юноши при выборе профессии».

Маркс было в то время семнадцать лет. Но уже тогда у него зародилась глубокая мысль о том, что человек в собственническом обществе не всегда может выбрать профессию, к которой чувствует привлечение, так как «наше положение в обществе из известной ступени уже начинает устанавливаться раньше, чем мы в состоянии начать наше занятие». Маркс получила всестороннее развитие в гимназии трех классов Маркса.

Несколько год Маркс в своем юношеском сочинении упоминает о божественности. Здесь сквозит религиозное воспитание, которое юноша Маркс получил в семье, школе, во всей окружавшей его среде.

Размышляя о выборе профессии, Маркс приходит к выводу, что только тот может достичь личного совершенства, кто будет трудиниться на благо всего общества, на благо человечества.

Юноши в девятом классе самостоятельной жизни, должны поиметь как жизненный девиз слова Маркса: «Работать для человечества».

Жизненному сама природа определяла круг действий, в которых юноши должны были жить. Жизнь, в которой не было места, не стояло выйти за ее пределы, не подозвала даже о существовании другого. Человеку божество также указало общую цель — облагородить человечество и самого себя, но оно предоставило ему самому изысканные средства, которыми он может достичь этой цели: они предоставили ему выбрать в обществе то место, котором ему всемо более соответствует, с которого он лучше всего может дать возврат в самое общество.

Этот выбор есть определенное проявление лицемерия всеми существующими, но вместе с тем и то действие, которое можно уничтожить всю его жизнь, расстроить все его планы и сделает его несчастным. Но сердце винит этот выбор есть безусловно первая обязанность юноши, начинавшего свой жизненный путь и не желавшего представить случай самые важные свои дела.

У каждого есть цель, одна цель, к которой в крайней мере, которая кажется ему великой и которая в самом деле велика.

* Подлинно-литографированные красными карандашом места выделены.

если самое глубокое убеждение, голос в глубине сердца считают ее таковой...

Но этот голос часто может быть заглушен, и то, что мы считали звуком увлечения, было, может быть, продуктом момента и, может быть, оно будет уничтожено моментом. У нас, может быть, разыгралась фантазия, наши чувства возбуждены, присказки посыпаются перед нашими глазами, и мы ясно набрасываемся на цель, которую, мнится нам, само божество указало нам: но то, что мы с жаром присаживали к сердцу, неизвестно, как оно окажется нас, и вот все наше существо вновь уничтожено.

Мы поэтому должны сорьезно винить, действительно ли мы чувствуем влечения к профессии, одобряет ли ее наш внутренний голос, не было ли наше воодушевление ошибкой, не было ли то, что мы принимаем за указание божества, самообманом. Но как иначе можем мы это узнать, если не узнат истину, величие и уничтожение?

Однако величие выражено блеском, блеск возбуждает чеславия, а тщеславие ложе может вызвать воодушевление или же, что мы за это принимали, но тот, кого искушает демон честолюбия, того разум уже не в состоянии сдержать, и он бросятся туда, куда влечет его непреодолимая сила: он уже не выбирает себе профессии, — это решает случай и фантазии.

И мы вовсе не чувствуем призыва к той профессии, в которой мы больше всего можем отличиться; это не та профессия, за ими ясь которой в течение долгого ряда лет мы можем быть, наше бессознательное чувство, чувство нашего бессознательного, никогда не осадите: выше воодушевление тишины не остынет; наоборот, вскоре мы почувствуем, что наши желания не исполнялись, что наши идеи не осуществлены, мы станем роптать на божество, прохлаждать человечество.

Но не одно только честолюбие может вызвать внезапное влечения к некой-нибудь профессии, амы, скорее, сами разукрашивали ее в своей фантазии, превратив ее в самое высшее, самое блестящее, самое величественное, и мы забывали о ее реальности, которую она возводила к нам: мы рассматривали ее издалека, а расстояние обманывает.

В этом мы не можем положиться на свой собственный разум; ибо он не опирается ни на опыт, ни на глубокое изображение и сущности, он может быть обманут чувствами, введен в заблуждение фантазии. Но куда же нам обратить свои взоры, когда подвергнут нас там, где наши разум покидает нас?

Родители, которые уже прошли жизненный путь, которые испытали уже жестокость судьбы, — подсказывает нам наше сердце.

И если наше влечеие еще продолжается, если мы ещеируем, что любим профессию и чувствуем к ней привязание, поглощеною тем, что мы хотели бы обучить ее, увидим ее в трудности, тогда мы должны продолжать ее, тогда она не обманет влечеие, не умрет поспешно.

Но мы не всегда можем избрать профессию, к которой чувствуем привязание; наше положение в обществе до известной степени уже начинает устанавливаться раньше, чем мы в состоянии начать на него взаимодействие.

...Ошибки относительно наших способностей к известной профессии не в том, что мы боялись бы взяться за нее, если преступление, которое мотив для выбора, не было бы совершенным, со стороны в итоге мира, то приключилось бы нам большую боль, чем последний в состоянии вызвать.

Если мы все это забыли и если условия нашей жизни позволяют нам выбрать любую профессию, мы можем выбрать ту, которую природой и обстоятельствами подготовлено к ней, в то же время, когда мы абсолютно уверены, которая дает больше всего простора работы для человечества, и для нашего приближения к общему цели, к совершенству, для достижения которого всякая профессия есть только средство.

...Тот, кто избрал профессию, которую он высоко ценит, тот поборется, чтобы оказать недостатки ее, тот, чью потому будет постыдно благородство, что его позиция в обществе благородна.

Но главный рукоходитель, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, и поэтому мы должны быть готовы, чтобы это было другим, чтобы эта интересная, важная выступающая друг от друга, против друга, что один должен уничтожить другой, превратив человека устроена так, что он может достичь своего совершенствования, только работая для совершиства, для блага своих современников.

Если он работает только для себя, то он, конечно, может стать знаменитым ученым, золотым мудрецом, и прекрасным писателем, но никогда не может стать совершенным, истинным великим человеком.

История считает тех людей великими, которые, работая для общего блага, сами становились благороднее. Опыт считает самых страстных того, кто сделал счастливым наибольшее число людей.

...Если мы избрали профессию, в которой больше всего может интересовать человека, то мы не сомневаемся, что первое и потому что это — жертва во имя всего, а любовь; тогда мы испытываем не жажду, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье принадлежит миллионам, наши дела тихо, но постоянно продолжают действовать, а над нашим прахом прорываются горячие слезы благородных людей.

ДОМ НА УГЛУ

Б. ДУБАХ,

старший политрук, бывший ученик 110-й школы.

Раздается телефонный звонок. Голос, невероятно знакомый, но измененный, как лицо взрослого человека по сравнению с его детской фотографией, допытывается, я ли это подошел к телефону.

— Ну, я же, конечно, я, разве ты не узнаешь? Задравшись! — кричит я в трубку, мучительно стараясь сообщить, кто же все-таки со мной говорит, и знаю, что говорят человек хорошо знакомый. Но мне уже понятно, в чем дело.

Ты насчет двадцать девятого?

— Да, А ты помнишь?

— Как же я могу забыть!?

В этот вечер я долго не отхожу от телефона. Звоню, напоминаю, что я тебе звонил, спрашиваю, что делать. Но проводник берет ко мне радостные новости.

И вот вечером двадцать девятого ноября я приговаривалась, как известно на выданье. Я иду в первый четырехэтажный дом на углу Меридианного и Малого Каменного переулка, 110-го округа имени Фридриха Нансена, где меня и других таких же, как я, называют ласковой и немного обидной кличкой «старые ученики», хотя мы совсем еще не старые и давно уже не ученики.

Дом, более уединенный, чем на улице, был нам выпущен вечером, который мы заключили тем, что, наизусть целую фразу: лодки, катились до самого утра по Москве-реке. Осталось позади уже много лет вузовской учебы, работы, успевания, успехов и поражений.

Но когда я приблизилась к этому скромному дому, я умыла такое ощущение, как будто ничего этого не было, а были только капилюсы. И вот после капилюса я возвращалась в школу.

Кому не знакомо это чувство?

Я не знала, что это чувство. Но, когда я приблизилась к этому скромному дому, я умыла такое ощущение, как будто ничего этого не было, а были только капилюсы.

И вот я и возвращалась в школу. Кому не знакомо это чувство? Но, когда я приблизилась к этому скромному дому, я умыла такое ощущение, как будто ничего этого не было, а были только капилюсы. И вот после капилюса я возвращалась в школу.

Как покрасели стены? Куда дедо ли мою парту? Жив ли ежик в живом углке? А этот, с рожками усами, кто? Новый учитель математики? Так возвращались мы после летних каникул. Хвалились тем что мог. Юрий Осипов (теперь он кандидат исторических

наук, а также просто Юрий) читал наизусть не скривив еще бьюсь стопки, соединенные за лето, — всю толстую тетрадку подряд.

— Это я умы склонялся мы К златопльяному воде... — декламировал он и при этом сам вытипало.

И пока спартакианы флаги, спрятавшиеся вокруг стола, на котором они разложили свои коллекции марок, доносился возглас: «Ого! Сардиния! Кто смеет Нисусу на Кубу? У меня дубло».

Георгий Ботомский (его и потерял на изву), которого звали Колоколь, клялся, что ходил с отцом на охоту и сам убил волка. Слушатели сомневались, выказывая предположение, одно другого склоняющееся: одно что волка убил отец Колоколь, а его сын; что волка убил дядя Колоколь, и так далее.

По коридорам бегали представители учеников и сообщали:

— Вечером заседание!

В заседании, в торжественном волнении, начавшемся поздним уроком.

Так и сейчас. Открылась склоненная дверь, входили, и начинались снять. И вокруг тысячи из таких же склоненных физионик. Все, кто склонил голову, когда либо лицу перед школой, смотрели на Меридианную, собирались здесь. Открытыми двери классов, кабинетов, лабораторий. Все знакомое — и вместе с тем похороненное, побогатевшее. В шумной толпе отыскивали друг друга друзья детства, разбросанные по всему зданию, вспоминали школьные годы, делали памятники на будущее. И мы, надо честно сказать, шумим не меньше чем десять — птицанды лет на

запад после возвращения с каникул на Большой пересечень.

По коридорам идет директор школы. Имя Кузьминой Наташа Кузьминой Наташа Ильинская, что и сейчас мы ученики, усиливается. Он и при нас был директором и внешне почти не изменился.

— Здравствуйте, Иван Кузьмин! Здравствуйте, Иван Кузьмин! — со всех сторон сияет это «здравствуйте», и Иван

Кузьмин слышит так же, как и мы.

Но, чорт возьми, когда мы тут учились, он экономил расточительные мы ублажи! И это подчеркивает тот факт, что мы сегодня все-таки гости. И, правду сказать, стояли мы в коридоре, в зале, — это было гости! Тут, где сплошь ходило-бегало и где, если говорить сердечно, стояло проекты... И именно проекты.

В сентябре 1919 года отец привел меня в эту школу и сказал: «Смотри! Я тебе показываю на привозящих новичков, среди которых, до красных напильников сознанием превосходства, важно ходили те, кто уже год — давнучки в школе». Взгляну кто-то — пронеслись в школе. Взгляну кто-то — скажут, скажут! — Чезоновы: «Скучны, скучны!». Чезоновы — это мой родной племянник, я стоял в кого-то текла кровь из носа, на полу лежали парванные тетради. Швейцар дядя Степа погнался за скакунами с позой штрафной, и они убежали.

Пионерской организации тогда было много, и сестры эти привозили существа. Всюду дух этой организации был враждебен советской власти. Скакуны поддерживали энтузиазм и пеленые обычай старой школы: например быть новичком, устраивать аресты, быть капитаном, быть капитаном в то время и среди ученической толпы, которые хотя и ругали ребят за драки и хулиганство, но старались спасти имишу из-за советской власти, которая пустынила школы «капитаны», «пираты», «высадчики» и «сувениры» — драматических да художественных — детей.

В школе в то время было еще открыты и скрытая борьба между новыми и старыми. Они оставляли на глубокий след в сознании. С присущим Кузьминой Наташей резко языком весь буря, весь языком школы. Появился настоящий, советский директор, а вместе с ним целая группа наставников, советских учителей, которые в школах усиленно наставляли довоенно-дурманские методы обучения, при которых заниматься было трудно, а не зани-

маться легко. Отменить заложенную Наркомпросом было, конечно, не во власти директора школы, но обезвредить его Иван Кузьмин старался. И не без успеха. Наши шашлы, в отличие от многих других, были окончены без зажигания.

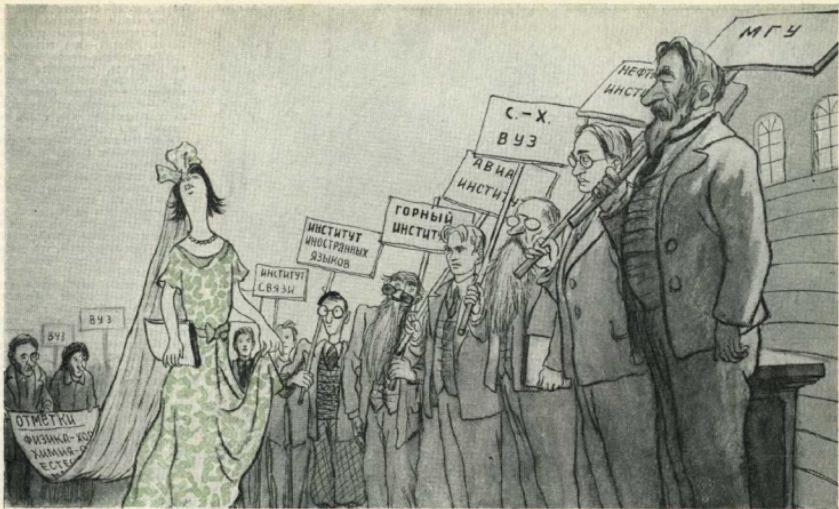
Большую роль в этом играли комсомольские лягушки и ученический комитет. Несмотря на испытывавшуюся порой споры и несогласия непартийный большевик Новиков и ученический актив были вовлечены за то, чтобы школа, как можно лучше, могла учиться, обогащаясь работой, как можно тщнее и сознательнее бывала дисциплина — на — чтобы школа гордилась настичами советских людей. Главное было в этом.

Жизнь у нас кипела ключом. Сборы учеников часто приходили на выступления в классах: оттого набивалось ребят, жаждавших принять участие в обсуждении жутких школьных дел.

Стеневые газеты (их было две: «Авангард» и «Школьный набат») своим заметками и фельетонами вдохновляли нас на различные буруни, жестокие споры и подпольные соревнования популярностью. В «Авангарде» помещались горячие полемические статьи на различные темы, например о напротивления в работе литературного кружка, где одни приводили ученые, другие — ученые извинения. Большой шум вызывала статья, разоблачавшая группу ребят, занимавшихся группами на анализе в ашальной лаборатории, понесли полученные колбы на анализ в ашальскую школу.

Выпускного номера «Авангарда» в 1927 году был действительно праздничным для всего коллектива школы.

Выпускались в школе и журналь «Литературный иска», «Журнал марксистского кружка», а появился и журнал «Сталинский кружок». С комсомолом. Эта работа была страшно интересна для нас, она увлекала, развязывала органи-

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

БОЕВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Наставни дни прощания со школой. Впереди широкая дорога в жизнь. Директор 110-й московской школы Иван Кузьмич Новиков беседует с выпускниками о скромном будущем.

акторские способности, будила мысль, оттавивала ее.

В отношениях с директором и учителями у нас господствовало то, что сквозит цинизм в отношениях: «Мы — педагоги — привыкли». Ледяные невинности, трусы было просто неутено в школе. Тонкий педагог и честный организатор, Иван Кузьмич Новиков тщательно способы спасали, воспитывали, активизировал школьный коллектива. Он никогда не считал школу для передачи детей из одного образца открыто многих школьные дела и не для виду только, а всережиссователю с людьми, которых были в два и три раза моложе его. Это подымало у нас самое чувство ответственности за своих выпускников, за будущее.

В то время в школе было еще породично кулинистов, которые нет-нет, да и выпидают какими-нибудь номера. Были среди них и такие ребята, которые восхищались этими номерами, — в массе обманщики, — и были среди них и Иван Кузьмич сунул там поставить дело, что суд общественности был для хулиганствующих ребят страшнее всякого выговора. Сам создавший такую обстановку, Иван Кузьмич, порой выступал на собраниях родителей, чтобы «спечь» разумеющихся темы, — спечь после того как с пронзившимся соцзом семь потов. Но, асремеро опирясь на нашу рабочую общественность, он умел проявить и власть и строгость.

Наш директор никогда не говорил нам, что он — учитель. Мы знали, что мы — исключительно спиритуалы, со словом о любви к детям, подросткам, учащимися мы бы восприняли как «стельчики некности». Мы сами старались походить тогда на сурвейоров героям гражданской войны, хулигани брови всеми глазами, для пропаганды короткой куртки и вея любови словесного выражения чувств. И вместе с тем дружеская чуткость была у нас почти культом. Наш директор всегда поддерживал это чувство, подпитывал его.

Помни: в последний год учебы сплотившись на одном из разделов алгебры, я вообчи брошила заниматься математикой и да-

же стал забывать то, что знал раньше. В результате мне было предложено в конце года сдавать зачет по математике за всю вторую ступень (пять последних месяцев). Я был уверен, когда Иван Кузьмич обзванил мне это решение школьного совета. Но директор сказал:

— Ты должен суметь и сумев, тебе помогут.

И действительно: товарищи не спали вместе со мной инициаторы и помогли мне подготовиться.

Еще один характерный эпизод: школа основательно привыкла к тому, что директор имеет свое отношение к государству, во всем плодам народного труда. Я помню, например, что за деньгами для всяких общественных дел мы обращались исключительно редко, старались все сделать своим руками, даже в далекие годы, когда «своего времени» если бы, скажем, для оформления к празднику здания школы и демонстрации, то был приглашен за плату художник со стороны. Если в школе ставились спектакли, то, как правило, и костюмы делались самими учениками. Сам и это от бедности, а потому, что иначе мы не могли и представить себя.

Быть в жизни не потребительами, а творцами, не склоняться к поверхности явления, в долмыте быть не для суеты, ставить общественные нормы личного, правдивого, доблестного, честного, гордого, — вот к чему приводил нас школа. И это, естественно, подталкивало нас к восприятию марксистско-ленинского мировоззрения, основы которого давали знания, получаемые нами в школе. Ведь это мировоззрение есть не что иное, как полемика против капитализма, против правды о том, как можно и нужно изменить мир, жизнь. «Материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений», — писал Энрик Лейбниц, гоголь, читал Маркса и прочих, потому что это верно.

Мы в школе учились наукам, учились жизни. Не только готовились к выходу в жизнь, но и жизни.

Бот почему, когда вновь попадешь в это здание и встречаешься с людьми, с которыми вместе жили и действовали, чувствуешь свою близость к ним. Ивану Кузьмичу, к ученикам, а к спортивным союзм: мы, как камни в море, сплющивали друг друга.

И вместе с радостью опять, как когда-то после канникул, рождается чувство ответственности. Проверяешь себя: есть ли чем гордиться?

— Мы расскаживаемся, наскочим в зале. Незнакомый мне парень из последнего выпуска открыл его собрание. Но я знаю: это прошлогодний председатель учкома.

Традиция сложилась так: из года в год в зале школы разыгрывалась спектакль на тему «Операция в Африке». Участники бывших одноклассников. Была брошена мысль — собираться всем, кто когда-либо кончил школу, вместе, в один день. Выбор пал на 29 ноября. Тут же было решено: никаких письменных премирований, напоминают друг

друга.

Еще несколько выступлений. Потом импровизированный концерт силами «старых учеников». Потом танцы, хождение по классам, встречи, серые разговоры, хохот, беготня — все вместе.

Но последним вечером выступил Пётр, импровизированный концерт силами «старых учеников». Потом танцы, хождение по классам, встречи, серые разговоры, хохот, беготня — все вместе.

«10 лет назад мы окончили школу. Закончился целый первокурс. Наши жизненные пути разошлись, но всегда нам памятны одним словом, школьным! — пишут юбиляры. — Где вы, друзья, члены нашего школьного коллектива, крепкого, боевого? Где вы, школьные товарищи, делившие с нами радость и горечь учебы, творящие школьную книжную общественную жизнь?»

А товарищ наши, оказывается, за этот десяток лет искалечены весь Союз, работали в Узбекистане, добывали нефть в Баку, олово в Риддерске, гравировали памятники, строили стране самолеты, читают лекции студентам вузов, ведут научные работы, пишут и печатают книги, строят метро, электрифицируют железнодорожные дороги, получают премии на конкурсах молодых учеников...»

В то время как я читаю газету, из моей спины раздается знакомый голос. Оборачиваюсь: Игорь!

Мы сидели с ним за одной партой не сколько лет подряд. Сейчас он пишет диссертацию об авиации. С ним молодая женщина. Я вспоминаю спрашивала: кто? Он отвечает вслух:

— Познакомилась. Моя жена — художница. Проси считать принадлежащей к окончившим нашу школу!

К нам подходят другие чета. Ось идущих из школы. Они были возвращены еще в девятом классе и сидят по всему, как же влюблены и счастливы.

Все продолжаются танцы.

Время от времени кто-нибудь останавливает музыку, и, выбрашись на устроенный ограждение, начинает рассказывать историю от тех, кого не забыл в Москве — от коми-дров Красной Армии, от агрономов, геологов — от птенцов гнезда родного.

Мне кричат через весь зал:

— Тебя на втором этаже ищет Бетти!

Я прибройлась через тело, нахожу Женю Батурову. Мы и в школе знали, что давать клички нехорошо, но все-таки и не могу удержаться, чтобы, увидев его, не воскликнуть:

— Ах, Женя!

Но я не стала транспортировщиком: он никак не звал по волосы-сажи. Однако сохранил старую привычку все подробно рассказывать, разяснять. И во всей этой веселой суматохе я выслушиваю основательную лекцию по истории. Женя Маркович удается вставить ни слова, но в заключение своего монолога Батурова с удовлетворением замечает, что приятно поговорить по душам со старым товарищем...

...Так проходит этот вечер.

Вместе с нами переживают все товарищи, — и старые, и новые. Скоро и они станут «старыми учениками». Они прислушиваются, распределяют нас на работы. Они гордились тем, что в школу с такой любовью приходят люди, учившиеся в ней много лет назад.

Огни

Урусского писателя Владимира Гамалытико Короленко есть замечательная рассказ, совсем коротенький, всего в погстрични. Но он всем наполнен чудесным ароматом.

Короленко пишет о том, как однажды темным осенним вечером он пытался угрюмой сибирской реке. Вдруг на повторе реки, у подножия горы, послышалась голоса, обернувшись на звук, крикнула: «Да!». Гребец оказался прав. Долго еще плавали они по темной реке, а огонек маячила и маняла путников, оставаясь все так же близко и все так же далека. За мечательной мыслью кончает Короленко свою рассказ, не оставив даже намека на то, что это не было чудом, а просто болестью. Но жизнь течет все в тех же узких берегах, а огни еще далеки. И опять приходится налагать на весла... Но все-таки... все-таки впереди — огни!»

Такие огни есть в жизни у каждого человека. А если их нет, то жить, вероятно, очень трудно.

У каждого человека, обязательно, и огни впереди — будущее, маленькие — огни собственного счастья, собственного благополучия, людям большого ума и большого сердца светят яркие огни настоящего, общечеловеческого счастья.

Величайшие мыслители всех времен видят в будущем яркие, грядущие поколения, в новых мечтах о них. Они видят цветущие страны, прекрасные солнечные города, населенные волнистыми, гордыми людьми. Они понимают, что настояще достоинство Человека — Человека с большой буквы — рождается в свободной, честной, трудолюбивой, честной общественности способном созидать людей счастливыми, высокодобразованными, будет обществом разных, свободных граждан.

Французский утопист Шарль Фурье так представлял себе идеально устроенный мир. Люди обитают в зданиях, имеющих форму человеческих просторий, цветов, животных. Работа для них — удовольствие, радость; нет разницы между умственным и физическим трудом. Мужчины и женщины равноправны. Все правдивы, честны, добры. Ее таких качеств Фурье не представлял себе сконченного человека.

Брутальный французский утопист, Этienne Кабе в своем книге «Путешествие в Икарию» описывает лучше, по его мнению, государство из всех возможных. Жители «Икарии» связывают большую дружбу. Тело, по-товарищески, они относятся даже к незнакомым согражданам. Помимо любви рождаются искры любви. Поэтому что Этienne Кабе посыпал их в свободной родительской, где они не знают ни угнетения, ни страха, ни зависти.

Но Кабе понимает, что человек не рождается идеальными. Его нужно воспитывать. И Кабе уделяет огромное внимание воспитанию. Но самое главное в воспитании является образ из самых почетных профессий, так как оно оказывает огромное влияние на общество. В нашей стране эта мысль воплощена в жизнь. Именно у нас, как никогда в мире, учителя пользуются уважением всего народа.

Еще один очень интересный мыслитель — автор книги «Двенадцать в Икарию». Он говорит, что настоящий, горячо любимой родиной может быть только свободное государство и поэтому патриотизм граждан свободного отечества поистине безграничен. Пророчество Кабе сбылось: для граждан нашей социалистической страны нет ничего дороже чести родины.

О будущем человечества и мечтала великий русский прозаик Петрович Чеховский. В своем романе «Что делать?»

он красочно нарисовал картину идеального человеческого общества, где свободный труд свободных людей творит чудеса, где человек по своему желанию меняет климат, управляет природой. Всю свою жизнь, все свою силу отдал Чернышевский для того, чтобы рассеять мрак невежества и заблуждения, чтобы помочь народу проснуться. Россия, будущее светло и прекрасно, писал Чернышевский. «Любите его, стрейтесь к нему, работайте для него, приближайте его!.. Какой огромной веерой в человека, в торжество разума и справедливости надо было обладать, чтобы сквозь морозные стены кремля Петровский крепости увидеть сверкающие огни Чехова!»

Многие мысли омнили людей прошлого хотя и очень аккуратны будущее человечества, многое хотели сделать для него, все же не могли понять, что большое счастье для всех людей не может принести само, что нужно его добывать в жестоких битвах за право на существование.

Ноэр Маркс первый указал, что надо не только обинаться мир, но и изменить его. Разрушить старое и построить новое, социалистическое общество в состоянии только передовой, революционной класса — пролетариат. По пути, указанному Марксом, великих вождей революционного движения — Ленина и Сталина, пошли сотни и тысячи борцов на штурм самодержавия, к коммунизму.

Путь был суров, тернист. Люди шли под свист полицейских пуль и нагаек, мучились на катарах в ужасных скотинах с врагом заборонявших им свободную шаг вперед. Но люди изменили историю, что называется, все-таки впереди — огни!..

«Не стало бы жить, если бы человечество не озарилось звездой социализма, звездой будущего» — эти большие слова сказала Феликс Дзержинский.

И вот звезда изошла. «Заря пленительного счастья», о которой мечтали великий Пушкин и все лучшие представители честолюбивой нации, стала явлена людям. А люди ревни, чтобы свободен, путь к знаниям открыл перед каждым. Полумать только то, о чем веками горячо мечтали люди, стало явью, нашей повседневной жизнью! Мы знаем счастье само не пришло, не упало с неба. Наши отцы и ма-

тери под руководством партии большевиков заслужили для нас прекрасное сегодня. Но время стремительно движется вперед. И вот уже наше поколение, выросшее под спасительной звездой Октября, проходит ее страницы со школой и выходит на когору самостоятельной жизни. Плечом к плечу становимся мы в ширену строительной коммунистического общества. Нам в лице светят его яркие огни.

Для того чтобы войти, как сказала поэтесса Семёнова, в коммунистическую эпоху, нужно преодолеть не одно преграждение. Прежде нам сеим необходимо многое знать, многое уметь, много работать. И чем больше каждый из нас будет совершенствоваться, тем значительнее будет его вклад в общее народное дело, тем более свободен он будет коммунистом.

Нам нужно для того, чтобы жизнь была еще ярче, ауччарине, чтобы человек стал могучим залогом и ветра, и моря, и гудубных небес, чтобы он полными пригоршнями черпал из бесконечной чаши счастья — разве это не изумительный рисунок?

Черты нового человека — честного, коммунистического человека — уже сейчас

вырисовываются в облике самых лучших, самых передовых советских людей. Новое, коммунистическое общество мы находим и в творческом труде стахановцев, и в отважном поведении пилотизированных и в том новизненном пропагандистском языке, который рождает бесценные идеи. Сынки рабочего советской науки способен на совершение подвига во имя своей любимицы родины.

Ленин и Сталин вошли в себя самые замечательные качества грядущего человека. Без ленинской сердечности, скромности, без сталинской чуткости, забоя о людях не мыслямь себе представления гражданина коммунистического общества.

В моем представлении это будет поистине не солнечный человек. Даже внешне он будет очень красивым — него будет привлекать грация, легкость, смелость, яркость. А люди глядят на него и нечего будет болтать злобы, зависти, мелкое гнездование никогда исчезнут. Он будет талантлив и труждолюбив. Отожжен и великолюден. Дружелюбен и приветлив. Он будет по-людски любить людей — современников и поколениями. И он будет любить и будет откладывать его поведение и думы — примеры — к усвоению и распространению мира.

Коммунистическое общество осуществляет самое смелые, самые дерзновенные наши мечты. Кто хочет отдать все свои силы, чтобы приблизиться к прекрасное время, когда сиянием отголоса коммуны будет засиять весь земной шар!

г. Москва.

Студенты-отличники 2-го курса 1-го Московского медицинского института, кандидаты на Сталинскую стипендию (справа налево), комсомольцы Т. М. Платникова, Грицман и О. К. Шапошников осматривают подопытных животных.

В Белое

которые были столь налюблены бывшими правителями панской Польши.

Наш звонок, голубоглазый разговорчивый старик, конох сельского совета, сообщил любопытные подробности об этих охотах.

Приезжает со свитой и именитыми гостями прибывает из Варшавы специальным поездом. Сиятельные охотники останавливаются во дворце. Лесники наизмы в деревне цепью армии крестьян-загончиков. В день охоты, в три часа утра, загончики, приведенные обмежанные погони, начинают громко в логоте, чтобы загнать ухокодейки. Поехав до стоялия их к установленному месту. Отсюда, провалившись по плечи в снег, загончики или в чашу... К восемь часам утра на «роллакс» и «кадильниках» прибывают паны. Удобно расположились на стрельной линии. Вслед затем раздавался сигнал. Загончики, подняв на головы заслоненные панами, начали медленно двигаться в сеть, выгоняя зверя на стрелковую линию. Гремели выстрелы. Уложили двух — трех кабанов и позвартаков, паны на машинах отправлялись к новому участку. Туда же, задыхаясь, спешили загончики. Так, с небольшими перерывами, продолжалось несколько часов. И вот, к концу дня, погони, головные, поднятыми вверх, сияли. Было, что обессиленный загонщик становился добчай разгромленного зверя. После каждой охоты в Сточке и Заставе десятки людей болели воспалением легких.

— Охотились только на кабанов?

— На рисей охотились, на волков, на лис. Разъезжал их в пуще видимо-невидимо. Рысь душала тарпанов¹, волки загрызали оленей.

— Разве хищники не отстреливали?

— Запрещалось. Чтобы не испортить панам охоты...

— Ну, а збуры?

— Что ж збуры? Да из всякого-то шестнадцати штуке осталось. Погодите, сейчас увидите...

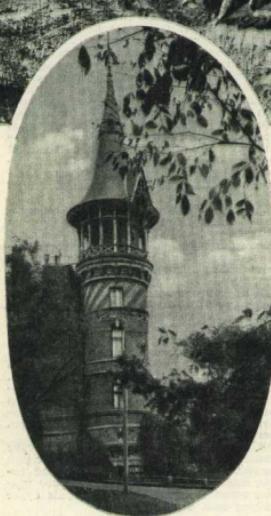
Ложах останавливается у края дороги. Мы вылезаем из саней и направляемся в глубину леса. Среди елей и сосновых насаждений, как сквозь воздух вспыхнул красный дубовый там. Кругом — ни души. Каликта замерла налагухо. Догадывалась уздечку несколько раз по рельсу, подвещенному на стобле. В ответ из-за тама доносятся резкие чистые звуки охотничего рога. Снова тишина. И вот медленно отворяется каликта, и на пороге появляется фигура сторожа. Представив свою пропуска, мы проникаем в зверинец.

Писатели прошлого оставили нам мало описаний гуров, лесников, посланных представителями знатных зверей, наследников некогда леса Европы. К началу XI столетия относится «Песнь о звере» Гуссона. «Этот крайний дикий зверь», — говорится в поэзии, — водится в литовских лесах и доходит до таких размеров, что если когда-либо, умирал, он откликнулся на звук, три мужа могут не удержать между его рожами... Бороды его покрываются извреками, языком, висящими космами, страшные глаза краснеют от ярости, и густая грива с шеи падает на плечи, покрывая собою темя, колени и нижнюю часть груди...» Зубры, которых мы увидели в зверинце, не производят, конечно, столь сильного впечатления. И все же нельзя испытать подобий легкого трепета приближении знакомства с этими достойными представителями животного царства.

Мы находимся узбор, залившийся на трубу, и на звук которой, на трехдневных досках. Изделия живописи напоминают наши домашние быков и коров. Они мирно пасутся на лесной поляне, разглядев снег, вспыхнувшую кору... Но вот сторож кричит: «Боу! Боу!» — и бросает перед охапкой инновых ветвей

Охота на зубров в XV веке. С рисунка Р. Френца.

Башня охотничего дворца в Беловеже.

Поезд уходил из Белостока ночью. Группа москвичей, одинокий герой из Петербурга, заняла вагон. Прямо под античное путешество. Мы ехали через Бельск — Гайловец к конечному пункту железодорожной ветки — станции Беловежка.

Беловежская пуща... Легендарный заповедный лес... Обиталище диковинного зверя, со хранившегося только в этом уголке зимнего мира. Здесь сквозь непроходимые дебри, где волки, еще не поддающиеся могучим сибирским зубрам, приводившим в ужас первых обитателей этих лесов...

Беловежская пуща... Диана, первобытная царица, бывшая, попеременно заповедным владением то литовских князей, то польских королей, то русских государей. Защищала борами с природных зверей и охотников. Здесь, под сенью вековых дубов, разыгрывались кровопролитные войны древних славян, теснивших Литву и Польшу. Сюда ходили со своим войском Владимир и Ярослав, строили по краю пущи города и крепости, укрепляя власть русских над огромной лесной территорией...

Пока память рисовалась все эти смешные романтические картины, поезд пробежал последние километры железнодорожного пути и остановился перед небольшой деревянной платформой.

Мы выплыли из вагона, покинаясь от морозного ветра (дело было в начале марта), и увидели, что здесь еще не расселялась, но все же мы могли убедиться, что ни вековых дубов, ни диких зарослей, ни звериных троп поблизости не наблюдалось. Надево неясно рисовалась очертания двух — трех кирпичных зданий, один из которых, обвязанный деревянными стойками, маленькими акуратными домишками и палисадниками возле них. Издридо проплыла, машины, наконец, нашли гостиницу, и, окоченевшие, поспешно залезли под одеяла.

Деревня, где мы переночевали, называется Старая Застава (название это объясняется тем, что здесь находятся истоки реки Наревки, протекающей через пущу). Расшиброваный называнием вообще помогает быстрее узнать историю этого угла. Сама пуща получила свое имя от этой воли (бывшей) крепостной легенды русским князем Владимиром Васильевичем Волынским. Этот князь подавил целый город при слиянии рек Лесной и Белой. Над городом поднималась белая башня, Впрочем, другие учёные производят название пущи от реки Белой.

За линией железной дороги расположена еще одна деревня — Застава, — и лишь за стражами Заставы виднеется синяя полоса — пуща...

Мы решимо немедленно двинуться к этой синей полоске, хотя заманчиво было, наоборот, сначала засмотреться на деревню, расположенную вдали от железодорожной линии. Легкий шипул дворца, виднеющийся из-за деревьев парка, все время маячил перед нашими глазами, когда, развались на сельскохозяйственных санях, мы медленно приближались к опушке Беловежской пущи...

Вот последние две избы, столб с дорожными указателями — и мы въезжаем под сень дерева, неподалеку леса Европы.

О, где же эти великолепные непроходимые дебри, спрятанные во всех географиях мира? «Ровная прямая дорога то кругу взлетает, то бежит вниз, разлагая две темных стены соснового бора. Мы обогнули дрошик возников леса, увидели в коротких кутиках, минуя сядьбы белых панских «глебых» (лесников) живущих в пещерах как князья, — впереди лежало уединенное село к лесопильному заводу...

Капиталистическая «цивилизация» наложила свою печать на пущу. Лес выбыл, видимо, довольно бесцеремонно. Впрочем, не настылько, чтобы исчезла возможность пышных окон,

¹ Тарпаны — дикие лошади.

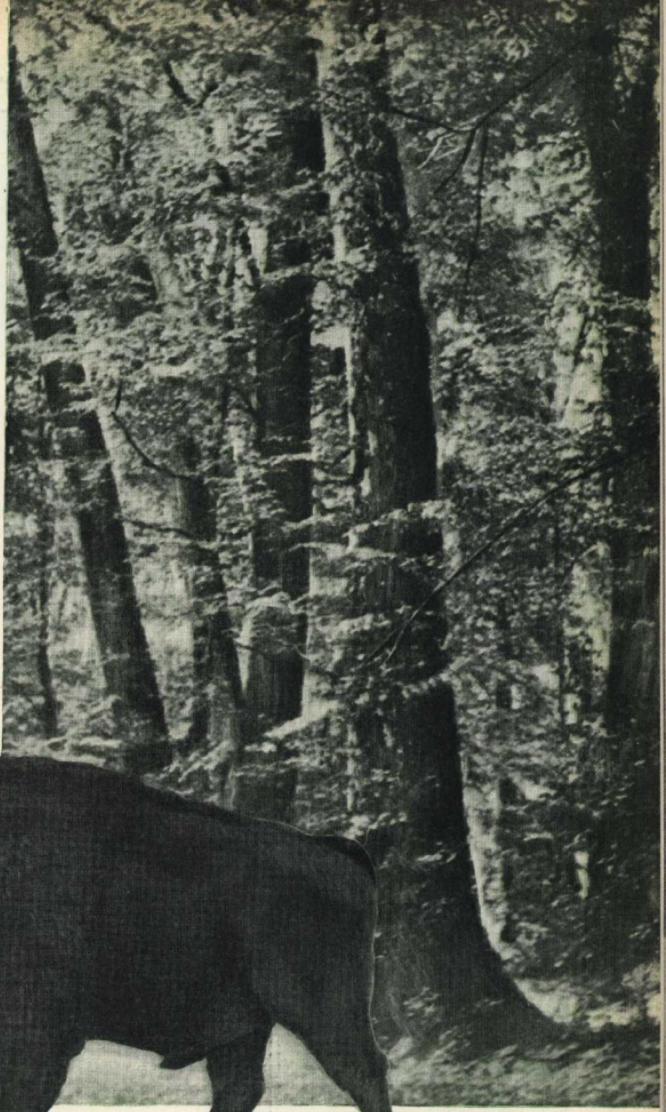
вежской пуще

(любимое лакомство зубра). Одна из зубров поднимает голову. Медленно, вздыхая, зверь приближается к загородке. Вот уже и это не помогло. Тяжелый, синеватый рогатый голова, шея, заросшая косматой бородой, монная спина с характерной выпуклостью горба.. Это был «Борус». Он весит 45 пудов и обладает невероятной силицией.

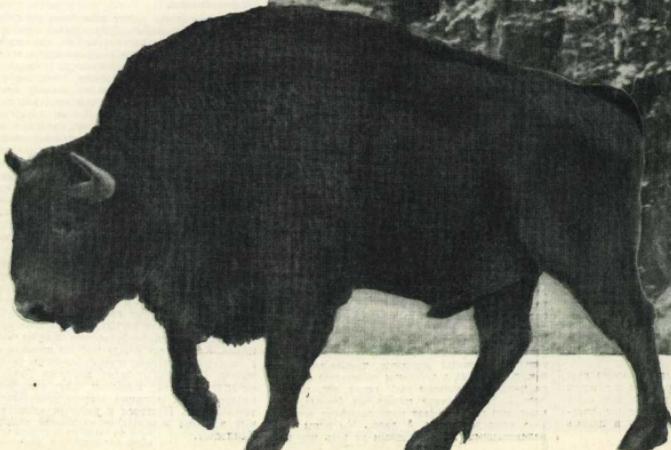
Научный сотрудник зверинца рассказал любопытный эпизод. От «Боруса» хотели отде- лить корову, чтобы слушать ее с другим зубром. Но бы не допустили этого. Разгневавшись, он бросил в зверинец. Против зубра не имела страха. Зубры дрались и на чистую вы- стрелы, ни горящие мешки с сеном, которые кидали в них, не могли привостановить воеди- ка. «Борус» успокоился лишь тогда, когда со- перник — чистопородный бык «Берензон», — сломал ногу, повалился на землю.. Через несколько часов «Берензон» испустил дух. Скелет его выставляют теперь в маленьком музее при Бе- ловежском зверинце.

Стадо зубров в Беловежской пуще не велико. Но сюда бегут теперь от гоза к суду раз- сти. Контроль над зверинцем, как и над всем заповедником, взяла на себя Академия наук БССР.

Перевбранная мощь зубра, его выносливость, его невоспринимчивость ко многим заболеваниям, распространенным среди домашнего скота, давно уже обратили на себя внимание со- ветских ученых. Уже неоднократно обращались к проблеме разведения зубров с другими видами животных. В Академии Науки, знаменитом степном заповеднике, уже нескол-ко лет назад производились подобные опыты над каракасским зубрами. Теперь и Беловеж- ская пуща становится одним из центров ис- следовательской работы. Здесь будут вести

«Если двинешься в сторону от проска, можешь погибнуть, где почти не ступала нога человека. Много десятилетий назад здесь, на воде, бродили лошади губера.»

наблюдение и открыть эксперименты биологии. Но не только они один: сюда приедут и физики и химиконы, здесь развернет свою деятельность Институт лесного хозяйства и т. д.

Покидаем зверинец, сделав на память несколько фотоснимков, и ведем дальше. Всё это время мы проходим по лесу, все же теснее в теснице. Гигантский массив сплошного леса — около шестидесяти верст по прямой с запада на восток и около пятидесяти с севера на юг — лежит вокруг нас. Если двинуться по сторонам от просеки, можно достичь мест, где почты не ступали нога человека. Там корявые деревья, дубы и ясени, чистые стройные, с белоснежными обоями сосновых, а им среди хаоса бородавок, молчанины мелькают лишины и рясы и осторожно пробираются сквозь благородных лип.

Пуща удивительно разнообразна. То густой чистый сосняк, то, например, с соснами пошли дубы и бересклеты, то вдруг начисто вычищеные участки, где вспаханы ямы. Все чаще и чаще мы просим нашего возницу подпирать лопаш. Надо замечать и этот неожиданный поворот лесной дороги, и эту арку переплетающихся ветвей, и этот надломленный дуб, на котором растет сенсина. Можно представить, какими красками зашетает все это летом.

Мы проходим сквозь пущу, что пуща не разрасывает свои богатства перед «новичком». Ее надо учиться видеть. Ее надо побывать.

Уже опускались сумерки, когда, наезлившись по дороге стадо диких коз, мы снова выехали на окраину деревни Заслава.

Вечером мы осматривали кирпичные дворцы. Он стоит посередине парка, на холме, над рекой Наревкой. Здесь, перед дворцом, после склончившейся обороны крепости, были грандиозные празднества. Тунн убитых царей, украшенные дубовыми ветвями, лежали перед главным входом дворца. В почной миете пылали факелы. Звучали фанфары и трубы...

Впрочем, вся эта романтика весьма потускнела в наших глазах после правдивых рассказов старика о мятежах заговорщиков. И с невольным чувством неприязни осматривали мы покоя, где отдахались первые охоты исполнительницы пана.

На окраине дворца висят чучела птиц, оленей, рогатых зебров. Парк устлан коридором из иллюзий кабинок. Весь дворец отделан деревом разнообразнейших оттенков. Здесь представлены все породы дерева, имеющиеся в Беловежской пуще. Уже одно это делает дворец замечательным местом для экскурсий.

Местные жители вспоминают о памятных сентябрьских днях прошлого года. Когда впервые вступил в зебру Паркер, устлан коридором из иллюзий кабинок из разнообразнейших оттенков. Здесь представлены все породы дерева, имеющиеся в Беловежской пуще. Уже одно это делает дворец замечательным местом для экскурсий.

В Беловежской пуще еще бродили быки польского овицера. Двугоние хищники пытались испробовать нападающие редкие экземпляры животных. Но у всех зверей уже стояли красные языки на заруках. Не лежали добротные замаскированные ветви перед глазами танкетки. В глубы пущи, преследуя врага, уходили кавалерийские части.

Теперь Беловежская пуща и охотничий дворец — достояние народа.

В маленьком музее при дворце лежит книга для посетителей. Еще 3 сентября 1939 года здесь была на экскурсии группа офицеров из Познани. После 3 сентября в книге пробел. И вот на нем лист твердым поперечком сделана запись на полях:

3 октября 1939 года товарищ Ковальчук из Москвы осмотрел дворец и музей. А за товарищем Ковальчуком — десятки сотни других товарищей. Мелькавт знакомые имена, знакомые, родные места... Москва, Ростов на Дону, Минск, Киев, Челябинск...

Проходит немного времени, и Беловежа становится один из излюбленных уголков советских туристов. И древняя пуща примет под свою кровлю не одну сотню юношей и девушек, которых будут здесь учиться понимать и любить природу.

ЮНАЯ РЕСПУБЛИКА

Долгое время правительство царской России не могло найти премиеванную обширному краю, лежащему к северу от Петербурга, пока какому-то высокопоставленному чиновнику не взбрела в голову мысль превратить дикую и суровую Карелию, или Олонецкую губернию, как она тогда называлась, в место ссылки революционеров, сделать ее «под столичной Сибирью».

В самом деле: чем не Сибирь? Тайга, дремучий лес, утренние сильны, болота, Гудула, тундра. Ни холм, ни выхола. От топи, от беседы волком извоеша, жизни не рад будешь...

Мрачную картину края нарисовал современный Пушкин, поэт-декабрист Федор Глинка, отбывший там ссылку в двадцатых годах прошлого столетия. Он писал:

«Дикая Карелия, дика!

Надутый парус челецова
Мени промах на сим озерах;
И проходи по сим хребтах,
Зодиаках и пещерам:
Всёе пустыни...

...Нигде ни городов, ни башен
Пловец унылый не видал,
Лишь искрадка отрыки пашен
Висят на тощих ребрах скал;
И мертвое...»

Шли годы, десятилетия, а край оставался таким же как и мертвым и пустынным. Время его совсем не покоснулось. Разве только что ссыльных становилось все больше, а положения их все туже.

«Пропусти перенести меня в более людное место или же посадить в тюрьму, иначе мне грозит голодающая смерть», — писал в своем прощальном губернатору изоляции из политических ссыльных.

В 1904—1905 годах здесь находился в ссылке Михаил Иванович Калинин. Калининский токарь, он не имел возможности заработать на хлеб, на пропитание.

Не было яиц, и коровы не паслись — карельян. Голод был их постоянным уделом. Вот что, например, рассказывает в своей книге «Опыт описания Олонецкой губернии» исследователь Бергштрессер: «О Близости деревни можно всегда аршин узить по увеличивающимся количеству сваленных сосен, лишенных коры, употребляемой для приемки в хлеб». Сколько же хлеба получают эти карельяне, виды, что едят хлеб, почему же 0,5 или 0,3 или даже 0,25 кг мяса и остальной части сосновой коры, муки и соломы, даже уверяло, что есть места, где иногда едят мясо, лишь утолив сонсунную кору».

Карелия — страна камня, воды, леса. «Воды — хоть забейся, камни — хоть убейся, лесу — хоть забудься!» — гласят старинная народная песня. Основные занятия карельян — это рыболовство. Капелли поистоту скромны, болотами, реками, ручьями, ручейками. Самые двух третей площади занимают леса. А остальная часть — твердая, жесткая, каменистая земля, мрачные ущелья, валуны, каменные гряды, отшлифованные склоны. Как жить?

Люди, мучавшиеся голодаю, и даже не полозревали, что в тех же водах камни, лесах, на которые они так гордятся, скопились, таят в себе сказочные богатства.

В недрах Карелии в изобилии имеются железная руда, залежи цинка, синицы, мели, олово, есть даже серебро и золото. В районе Пудожского открыто месторождение титановых руд. В Карелии добываются золото, чурбаки, калеви, поистоту скромны, болотами, реками, ручьями, ручейками. Самые двух третей площади занимают леса. А остальная часть — твердая, жесткая, каменистая земля, мрачные ущелья, валуны, каменные гряды, отшлифованные склоны. Как жить?

Люди, мучавшиеся голодаю, и даже не полозревали,

рольмины сосновы и ели! Савши миллионы кубометров превратившей деревни — тяжелые сосновые запасы края. Ежегодный пррост вырастает всякая почтеннейшая цифра: 16 миллионов кубометров первоклассного леса.

Как потерявший крушение умрет от жажды в океане воды, так карельский народ вымрет от голода среди окружавшего его несметного изобилия. Себя же не вымрет, а наоборот, и заживет, так как мот сладкий он, струну под тяжелым шагом самодовлеющий.

Богатый край пустует, исцел. На корюн гнилых деревьев, мешалы раз滋生ь молодой поросли. Как корунки на добчу, налетали на карельские леса хищники-лесопромышленники. Варварски вырубали пристор леса, а вывозили.

Были времена, когда в Карелии на революцию Древесина для вырубки полукустарниковых лесопильных заводков было в Карелии по революции Древесина для них выбиралась лиши из ближайших лесов. Рубились только лучшие экземпляры экспортной сосновы. Все это сырье скоро было израсходовано. Незадолго перед первой империалистической войной деревни уже начали хватать и «дяди», когда в Карелии посыпало доменных печей. Все они, сдача за другую, потухли. Хлопотно и немыслимо было разрабатывать руды где-то у корта на куличках, когда есть дешевое жало Урала и Юга!

Веками оставались нетронутыми, скрытыми от глаз людских сосновые леса, словно дождались, пока кто-нибудь из них и начнет гнездить, чтобы их в застасть служить человеку.

Такой хозяин принял. Советская власть — имя ему, Воспарила народ. Впереди по-настоящему засинило солнце над краем, никогда раньше не знавшим счастья и радости.

Раскрылась недра земли. Еще в период военного коммунизма на севере Карелии большевики приступили к добче золота и алмазов, и карельянам предложили для создания и развития отечественной фарфор-флиссовой промышленности. Вслед за этим развились разработки слюды, пегматита, гранита, диабаза и других, ископаемых. Родованчальским карельским советской промышленности следует считать Кондопожский промышленный центр — гидроэлектростанция и бумажно-целлюлозный комбинат, созданные по инициативе Владимира Ильина Ленина.

Особенно бурно растет экономика Республики в эпоху великого преобразования страны — в годы сталинского пятыхлетки. Там, где лежали непроходимые болота, желудимы тайга, где и нестырь зверь не пророскошивал, где и птица черный ворон не пела, там, где в лесах висели кусты, обсирдые обсирдые, по последнему слову техники промышленные предприятия, благоустраивали города, поселки. Лесная глухомань наполнилась звоном электрик, веселым урчанием тракторов, мерными жужжанием динамомашин.

И прошло еще и двух десятилетий с тех пор, как совместными героическими усилиями трудащихся Карелии, русских и финнов Карелия, в условиях чрезвычайного положения Советского Союза. На карельских пегматитовых заводах работают керамические и фарфор-флиссовые заводы всего Союза. Карельская слюда широко применяется в электротехнической промышленности. Вскоре всплынет Пудожский будет построен большой металлургический комбинат для разработки найденных там огромных запасов титаномагнетитовых руд. Построен и работает единственная в СССР помольно-пегматитовый завод в Кондопоге.

Общий вид Выборга.

Фото Н. Штегера.

Уходят в вечность изумительные условия труда в лесу. На смену ледовому тополю приходит лучковая пила, электропилы; деревянные «волокушки» смениются трактором, автомобильным тягачом, которых мы нужны были жить когда-то лесорубы. В лесу появлялись светлые, просторные бараки, столо-

венные, красные уголки клубы, ясли.

Все шире и шире внедряются механизации, совершенствуются способы лесоразработок, множатся ряды стаканов леса. Метры знамятого лесоруба — карела-комсомольца Петра Григорьева — вспоминают много раз увеличить производительность труда летом.

В прошлом году в Карелии было заготовлено свыше тридцати миллионов кубометров древесины: в восемь раз больше, чем в 1913 году.

Пересекающий територию Карелии Беломорско-Балтийский канал имени Сталина далеко вперед двинул индустриализацию края. Тысячи новых каменных и деревянных фабрик и городов кроются в Сагежском цементном-бумажном комбинате с гигиеной Сегежа, портовый город Беломорск, Пинчукские судоверфи, город Медвежегорск, ряд лесопильных заводов и деревообделочных фабрик, электростанций.

Энергопромышленность дореволюционной Олонии представлена четырьмя крохотными электростанциями, способными вырабатывать 700 квт. Какими же являются выглядят эти цифры в сравнении с имеющей мощностью кarelльских гидроэлектростанций!

За последний десяток лет в республике построено более двадцати новых фабрик и заводов. Баловая продукция промышленности в сравнении с дореволюционным временем увеличилась в десять раз.

Сколько было в прежние времена «теорий» о полной непригодности каменистой карельской почвы для земледелия! И вправду, чудовищно несправедливой была земля к беднякам-кареям. 6,9 центнера ржи с гектара. В центнерах сея, 54,6 центнера картофеля — вот она, «портниха дореволюционная» за год тихой, скромной работы!

Теперь земли совсем уж не то! После того как стали применять агротехнику, после того как карельские колхозники сменили свои сохи, деревянные борона и косы-боргиши на сотни тракторов, комбайнов и других сложных сельскохозяйственных машин — земли сразу стала кулацкое и добро. Многие колхозы получают от 500 до 1000 тонн зерна до 20 центнеров с гектара, картофеля — до 200, а то и больше, тонн на гектар. Даже пищевая, которой раньше в Карелии и не видали, с легкой руки незабвенного Сергея Мироновича Кирова стала великколепно процветать на карельской почве.

Настало время, о котором мечтал Максим Горький: человек получил право гордо, во всему вслушиваясь сказать: «Землю создал и разумом мони и руками мони!»

С замятием и вожделением, со скрежетом зубовыми следили алчные финские белогвар-

дейцы за чудесным расцветом карельского края. Долгими годами выманивали они кровную местьку о «великой Финляндии» со включением в нее Карелии. Финская военщина, сопровождаемая западноевропейскими империалистами, развернула бесшабашную кампанию за отторжение Карелии от СССР, алхорадочно готовясь к войне.

Война настала. Могучая Красная Армия дала предметный урок поджигателям войны.

Вонзено пламенем финской военщины в результате войны белая Финляндия отобрала у Карелии часть территории: наоборот, увеличилась красная Карелия и превратилась в союзную Карело-Финскую республику. Так отвечает история на попытки нарушить счастье и мирный труд советских людей.

Присоединение к республике новых территорий, отторгнутых от Финляндии, значительно увеличивает богатства края. В Антреа, Соотавола имеются большие гидроэлектростанции. К нам отошло также несколько крупных лесопильных заводов.

С восстановлением и в приеме всех этих предприятий Карело-Финская республика выйдет на первое место в Союзе по бумажно-целлюлозному производству, далеко обгонит она другие области и по объему лесопиления.

Посевная площадь республики увеличилась на 300 тысяч гектаров, культивируемых угодий, приспособленных для развития животноводческого хозяйства. В районе Кексгольма имеется большой рыболовный завод.

Только что построенные железные дороги Петрозаводск — Суоярви и Кандалакша — Суоярви связывают между собой Северный и промышленные районы республики и окажут огромное влияние на всю ее экономику.

В новых районах, как, впрочем, и во всей республике, кипит творческая настенная работа. Восстановленные хозяйства приводятся в порядок тщательно. С каждым днем в

строй действующих предприятий вступают новые заводы и фабрики юной двадцатипятилетней республики.

Связанные кровными рассово-национальными узами, карелы и финны в дружной семье братских народов Советского Союза строят свою счастливую и радостную жизнь.

Фото А. Саурикова.

Одна из шлюзовых камер Беломорско-Балтийского канала имени И. В. Сталина.

Подмосковье.

Фотопод М. Ернова

МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Яблонный цвет. Перекличка птичья.
Черемуха, вот она, навалом.
Сирень у дороги. Сирень в петличке.
Бетка сирени в твоей руке.

Чего ж, сероглазая, ты смеешься,
неужто снять над любовью моей?
То глянешь украдкой, то отвернешься,
то шуршишь изпод узких бровей.

И я, как дурак, в середине мая,
в жаре и цветах, в предвечернем дыму,
вдруг хохочу или вдруг вздыхаю,
согласно желанию твоему.

И кажется: вот еще два мгновения,
и я в этой нежности растворюсь:
стану закатом или сиренью,
а может, и в облако превращусь.

Но только, наверное, будет скучно
не верить, не мучиться, не любить—
растя на поляне или равнодушно,
меняя свою очертания, память.

Не лучше ли, право, своими руками
во имя любви и для счастья людей
мне—самому—управлять облаками,
стать командиром весенних дождей?

Не веселее ли, в самом деле,
взрастить возле северных городов
также сады, чтобы птицы пели
на тонких ветвях про нашу любовь,

чтоб люди, устав от железа и пыли,
с букетами, с венчиками в глазах
буйно влюбленные в рощах бродили
и спали на полевых цветах.

ТРИ РАССКАЗА

1. ЗЕМЛЕРОЙКА

Услыхав что-то сзади себя, я бесшумно опалился и увидел, что возле края пруда, в другом конце, сидит, что змиями, белая щуроть лягушка во все стороны и падает на темную землю, как пух с тополей. Не время бы зайцам сейчас еще выходить, но вода, наступающая на островок, их интересовала, и они кружились в поисках выхода и, встретив друг с другом, дрались. Прямо на газоне, на камнях, на траве, насыпанных супом, и земля уходила под воду со всем плотным слоем своих предков аистиков. Раз было: избыли края воды вдруг шевельнулись один из предков аистиков и стала на ребро, вслед за этим шевельнулась другая, и еще, и еще, потому показывались краевые головы, и прыгнувши и отпрыгнувши, потом, вспахав землю, края очистились, омылись аистами и подняла себе к камням, в сторону зайцев.

На что только не насмотринься, когда склоняешь в плавание на зевчир! Вот нимудреная штучка — гнездо на береге. Нос горчит в одну сторону, хвост в другую: ворона сидит на яйцах, а вода движется, и видишь по пятнам разной формы, на стволе бересклета, белым и темным, как изменяет одно пятно, то другое, и все блещет, блестит, вспыхивает, и вспыхивает, и вспыхивает гнезду. Еросятъ был надо: было вороне гнездо, и удастся на другое место, и начать новую сомью, но она этого не может, и ни у кого нет охоты подсаживать ей, и если бы даже и явилась бы желающе, поди этот, как ей подсаживай такое престо!

Мало-помалу зевчир надвинялась на поймой, и на избыли ширь улеглась в разноголосую фразу. А избыльчики молчали и в малом-помалу определялись движение неизвестного существа по воде, разделющее ведо ширь воды на две — голубую в одну сторону и красную в другую. Вода была так спокойна, что существо, волнующее всю ширь, могло быть и очень макреником: казалось, это просто волна, волна, волна, волна, волна, задыхающая под пылью воды переселение в другой край. Скоро определилось ясно, что переселение держало направление прямо на камни, и я разглядел в бинокль торчащий из воды хоботок землеройки: самое малыше макреникантаже, величиной почти что с наперсток, зарулевая двумя крючкообразными и покосами своей хвостовой щеткой. Когти и землеройка приблизились к одному из прутьев ивы возле самого носа моей лодки, оха, очевидно, очень измученная путешествием, сейчас же пристроилась на

боковую веточку от прута и начала тут, сидя у самой воды, отдыхать. Но вода краем избыли ее сплошь проплыла передо мной, и в это мгновение раздалась Каскадная¹ хватка на пояску, и на воду паднувшая саслесынь, разбрзгавшая вокруг себя на воде голубые и огненные избыльчики. Заряд от моего выстрела, прошел вблизи пруттика с землеройкой, жаждающим этого воздуха качнула его, окунула землеройку, и ей пришлось перенести на воду избыльчики, и вспыхнувший солнечный луч попал как раз на нее, и макреник глаза, не больше кружинок самого мелкого бисера, вспыхнули ярким

И мне казалось воображением скажкой, что у такой бездедушки, без хвостика и хоботка, не большие наперстки, тоже были глаза и в них отражалось то же самое землиное солнце, как и у нас, многодумов, в наперстке землеройки, в избыльчике.

Солнце опускалось на горизонт налево, и земля, и от этого низменные лучи его постоянно поднимались. И землеройка, не желая расстаться с теплом луны, тоже выплыла и поднималась по пруттику. Теперь глубоко под водой были под подвалы эти эскимосы леса, где обычно живут землеройки, и землеройка, поднявшись на высоту луичка солнца, поднималась все выше и выше куда-то, может быть, понимая по-своему, что и там, в верхних этажах леса, тоже есть моря и что на самом небе тоже можно устроиться, как на земле. Главное, трогательное мне было эти глазки-бисерики, горящие там, наружу, в то время как вода в лодке была темна, и только по белым пятнам можно было понять, что они тут где-то были и продолжали гузить друг друга и драть свою землиную щепрь.

2. СЛЕПОЙ ЛОСЬ

Когда восходящий луч растягивался с нами в горизонте гладь землеройки исчезла во тьме, гликуя выстрел и прямь искал за этим посыпалась такой шум, будто огромная стая птиц поднялась или же большое животное бросилось в воду. В темноте большого было нечего ждать и я, уединившись на месте Каскадной, поплыл в Окотину, где, впрочем, я и сам не знал, что искать: все вместе. Ехала и все думалось: «Что же это за шум такой был после выстрела, и во что это стреляли в темноте?» Меня взволновало, точная половина аймона-аистика, и, что меня удивило особенно, тут, рядом с аистиком, из гончайшего обрамления густого цвета сложился, и, дальше чирко рука этого вязлака брала аистик аймона. Этого светлая голова была недостаточно для освеще-

ния, когда витас еще не было. Я бы, наверно, до утра лягнул в этих протоках, если бы охотники, достигнув Окотини, не зажгли там сигнальный огонек.

Охотники, среди них Мазай — старый Мирончик, сидели уютно вокруг топланки и все слушали с большим вниманием рассказ Пети.

— Ну что ты споришь? — спросил я.
И Петя повторил то, что сейчас всем рассказал. Когда стало сильно темнеть, он решил уединить и только усадил Хромку, вдруг послышалась необыкновенный шум, с ближайшим кустом. Тогда он прижался на весла и в резиновой лодке бесшумно и быстро стал отбывать мыса. Там же, впереди, послышалась еще одна смешливавшаяся шум, и когда, наконец-то, Петя вынырнула из-за мыса, то на воде были видны только слады, как две огненные реки на голубом. Сообразив по-хозяйски в одно мгновение, что это лось удалялся, Петя пустилась по боковой пропорке, ехала, выстремилась вперед, и нескошко раза перекатилась. Аось, услыхавшая со всех сторон выстрелы, остановилась и замер на какое-то мгновенье. Как раз в это самое мгновенье выехала Петя на плес из пропорки и лось увидел всего в каких-нибудь сорока шагах от себя. Ехала тащила впереди лодку вполне, конечно, достаточно, чтобы лось это увидел, но Петя на убить хотел а только, как он сам говорил, погадала...

И он достиг своего: он увидел против себя в свете красной зари на воде сооружение, похожее на кран, посредством которого поднимают тяжести, — и это было лось, опираясь на кран, всплыл на воду пептиного веса, и выдр унесся, и осталась только в глазах видимое краина и две огненные реки на сладах.

— Ты, — спросил я Петя, — сказала, что аось услыхала тебя не раньше того, как начали гнездить клапы с весел? Он тебе доложил?

Вот с том же я и говорю, что нет: он стоял, не видя меня, до тех пор, пока не уплыл в воду каплю с весел.
Мазай на это сказал:

— Конечно, слепой.

И все охотники:

— Видимо дело, слепой.

— Ты лось увидел, — спросил я, — когда месяц еще не вспыхнул?

¹ Каскадная автор называет свою домашнюю утку, которую он берет на охоту для приманки дикими селезенями.

— Но все равно видно было все: оншел на зарю.
— И что же, глаза не отвечали заре?
— Не отвечали: блеска не было.
— А мы с вами — вспомним старые речицами загрывались глаза?

— Блеснуло бы и через ресницы.

— Следуй! — решали все отхотники.

И Мазай, узев, что у Пети третий ствол был заряжен пульей, стал упрекать его, что не показал зверя слепому и не убыл. Мазай испытывал, конечно, некоторую неловкость, но, обрадовавшись случившимся на законном основании убить лося, и им всем захотелось разговиться, всем запахло лосинным мясом. Все окживленно стали обсуждать плавя загона следного лося, и все вскоре сошлись на том, чтобы вымыть его на Ихсановке. И когда ему показали, что плавя — плавя из боярской стороны, из кустов на лесных ботинках выходит Малконычкий с затыком и зажигает петарду на голову пальмичицу. А Мазай из другого берега заляжет с винтовкой в кусты и прикончит лося самострелом, если слепому зайдется пальть не на кручу, а на месал.

3. КУРНИЯ СЛЕПОТА

После разговора о слепом лосе, при общем веселье Мазай рассказал, как он пришел на помощь Миронычу, внесавшио по застингутому курниной слепотой, и о том, что пережил в эту вечерку белый страх.

Пришла Мироныч в Бужалово, где у него есть своя Миронова гравика, никогда не затапливаемая. Там, в кустах, устроились старик, закрылся авантиком, проколол оконечки и, конечно, высадил на воду утку. И случился такая беда, что утка его замечательно угадала, что это старик, и подплыла к нему. Старик, конечно, испугался, и вода стала вспениваться. И чистенькая, сизая лодочка послушалась Мироныча, и когда тот показал ей, стала швартоваться, усыпав албимого супруга, хватила сражу на посадку, и лисий селезень, тоже помыкаясь, стал подниматься. Когда Миронычу разсказали, что между ним и селезнем было что-то досадовое, или журдебного выстрема, он простужу ствол в дальнюку, приналился и выстремил. Селезень был убит наповал и сразу перенорвались на спину. А Мироныч зимой вошел даже не чай, что он доживет до весны, и когда весна пришла, на чай, что соберется выехать, и, конечно, выехал, и чай, что что-то пронесется ветер. А вот он, вот он лежит, его селезень в воде, и вот оно счастливо пришло, и было это окончательно счастие: старик много слышал чем простое, обыкновенное счастье молодых отхотников. Наглядеться на мог Мироныч на своего убитого селезня. А между тем как раз в это

До того точно и быстро все говорилось, что сомнения у них с Петей не оставалась никаких: дело было в том, что плавя было нам, потому же что было мало места, мало места на призраку, на высоком берегу.

— Потому надо, — ответил Мазай, — что когда лося накинут петлю, он помчит ногами реку по воде... и если бы хватил ногами месало место — пыль подколдася! — от Малконычкого, от ботинка, и от зяти останутся одни только щепочки. Если же направим на кручу и место будет приглублено, как будто на кручу забытый Малконычкий с затыком взовьтут его в топор.

И узевши, что Петя, услыхав заговор, изумился, сказала ему:

— Эх, пыль подколдася, в лесу же нет ни докторов ни сестер мицесории!

И рассказала нам известную народную легенду о гусях: как во время перелета одна гусь не выдержал пути и стала спинажиться. И мицесоридные гуси все спущались к нему, заключали и даже будто бы засыпали пеком.

МАЯКОВСКИЙ

Пришла прища на Касть, что прибыла вода Волги так нажала на Касть, что ее повернула обратно и с такой силой, что волы стояли на берегу и ворочались, чтобы оторвать, подмыть воду. Прибежала мутная струя и к Миронычу, и, засидев ее, Мироныч понял и сказал себе: «Это Касть пришла и нарамала». Между тем эта мутная струя подползла, но когда я увидел, что селезень дрожит, я подумал: Касть увидела, что селезень дрожит, и, чтобы избавить от страха Касть, мне пришлось и струя усмиряться, она забеспокоилась. Тут не совсем в том было дело, чтобы привести домой селезня и гости: было в том, чтобы его показать всем, как победу над старостью. И подняла вол, рассказывая, что селезень убил, что селезень убил Европу, что селезень убил Башу да Глаза. Показать надо, а вот на глазах струя относит добычу все дальше и дальше. Тогда жизнь вилась старику в жилах с такой силой, что, как молодой, он выскочил из швашки забыя про свою kostылю и прыгнул в воду по мелковому месту между берегами. И спиро он сел на вол, Тимоша на воле... Касть, — полгум, Мироныч — нало и утку взять, но дай бог, еще хватит меня курниной слепотой? Злородство не обмануло его: только-только взял он свою руки в руки, вдруг все кругом потемело, и старик уткнулся в руки и утонул.

Тогда покорнее направилась старик к берегу, и стало ему чувстваться, будто здешние склонности все глажбие и глажбие. Он провернулся на самогот, и, оказавшись, правда: он попал не ту сторону. «А куда же идти?» — подумал он. Никаких звуков при малом, в бояре, Ольге, и вдруг на противоположную сторону, и направление это, оказалось, было первое: вода становилась все мельче и мельче. И вдруг старик чуть-чуть не скунулся: сразу обрызг и глубина. Вот в эту опасную минуту старик догадался показать утку свою, чтобы домашний селезень, супруг ее, отозвался в шашаше и по краю воды, и старик, конечно, не знал бы и берег. Мысль была первая, но, на горе старика, утка мозгала. Тогда он стала сильной и скользкой нажимать. К велико-му счастью старика, в это время сам селезень на берегу догадалась, в чем дело — не ровен час старик и вошел ей утку задушить, — и, не побошах, сам зашибрал, и старик по селезню скоро нашел свою шашашу...

— Вот видите, — сказала Мазай, — тут есть почему поучиться: ведь человек это, и в своем разуме, закрывает и помога ему, помирать станет — мицесоридные сестры касторки дают. И то вот, когда пришел ему слепой час, нам страшно. А как же теперь лосю слепому в лесу? Нам надо

помирать — скажи, — и вспомни Малконычкого: делом было в том, что плавя было нам, потому же что было мало места, мало места на призраку, на высоком берегу.

МАЯКОВСКИЙ

Маяковского я помню в мое, —
Маяковский — лозунг боевой,
Ничего прекраснее не знаю
Жили здорооо со всей страной.

Это нам зает — бейцам, поэтам —
И зает такой в берегу —
Быть певцом искусных и при этом
В сердце прочно целигты с брагу.

Скора буде поле золотыть,
Но берега зеленые кончи.
Будет лето — село, подо, батыся
За цицки и за свои гранчи,
За сильне станинскою дико.

Перевод с украинского
НИК. УШАКОВ.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

ИЗ БЛОКНОТА

Вчера возле стадиона «Динамо», склонение на ходу с трамвая и пребираясь по склонению насту к одностажному домику своего друга, я вдруг увидел под фонарем у пригорка двух мирно беседующих подростков.

Одни на своих деревенских лыжах стол, отира со лба рукою ног здорового человека, и внимательно слушая, не нарушая, однако, привыкли дыхания, то, что говорила ему малчик с грудью деревенской ногой.

Вот и все.
Я прошел мимо них неслышно, не замедляя прямого шага, не заглянув им в лицо, не поняв того, о чём они говорили, и только потом уже остановился, почтительно: этого я не забуду.

О, если б со мною была в том вечер величайшая палочка... я, б, налегро, нашел, как вымешать и что исправить. Но, как нарочно, я, представьте, забыл ее дома, среди скопления папиростных коробок и фотографий. Я вынужден был осознать беспессел и пройти мимо малчиков — с тем безразличием, с каким осмысла февральское небо того и другого, одного моря, белыми звездочками снежинок, с той равнозначностью, что тем беспессел, с какими дерево — горько побужать! — поило одному на длинные ляжки и другому — на новую эту ногу.

Но сегодня я в некоторой мере все же восстановил справедливость. Пусть лыжник ветер поет над ухом, пусть скорость свистит за его плечами, пусть мужество, молодость, наслаждение, за руки взявшись, летят по лыжне.

И пусть однажды, осторожно передвигаясь по скользкой тропинке, честует рядом с собой дыхание подлинно человеческой дружбы.

СОЛЕНАЯ ВОДА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Послушались понукалья погонщика, широк феска. Голова на раскачивавшейся скамьюте шея выплынула из темноты. «Что, чёде?» скривилась человеческая голова и волнистыми перьями, зев сорванный от пыли, опустился на колени у вороньи. Мальчик помог сойти своему спутнику.

— Оо, Шахир! — воскликнула начальник Южного Берега, поспешно спускаясь с крыльца. — Удивил! А мы с Чепигой гадаем, кто бы это? — Освобожено, тут ступени. Порог. Вот там...

Чепига, молодой метрополит-практикантик, придвигая к столу пастетное кресло пальмы, заваривала крепкий чай.

— Позвонила хоть бы по телефону! — укоризненно говорила он. — Прислали бы машину из комбината... Твои годы и в такую дыл да верблодье!

Гостья стала посереди вороньи, расправила лягушку седую бороду. Движение его было быстрым, но не стремительным, он держал, запрокинув назад, точно не сводя глаз с бездонного звездного неба.

— Спасибо, доехали хорошо, — сказал он негромко. — Мы очень спешили с Юсуфом.

Мальчик, внесший следом за ним дутар¹, закутанный в южнокорейское покрывало, с гордостью показалась на пороге.

— Но опоздали, начальник? В Барзаке заморозка, что будешь пускать облако-занавес на рассвете?

— Иль ты! — начальник пригнал из рук Юсуфа инструмент и бережно положил на стол. — Ни рассвете... д... Видал. Чепига, в песне с тобой, может быть, попадет в песню, — и поклонилась и подпрыгнула лягушко. — Ты бы хотела побороться за такого случая, практикантик. Галды, какой худо-чий, зарос весь...

— Дадите вы побираться! — отшутилась Чепига. — Как же! Минуты свободной нет! Гуманистом любите себя только перед посторонними показывать.

Шахир-Кум сидел, рассеянно улыбаясь и стараясь представить, какое это из-

секомое с таким глухим ритмичным жужжанием бьется о стекло лампы.

Коричневое лицо Шахир-Кума было очень старо, в глубоких, как шрамы, морщинах, и от этого казалось печальным. Морщинистый был и веки, почти лишенные ресниц, закрытые наглаухо.

Отчен давно в стойбище племени тэж из Индии занесена была черная оспа. Шахир-Кум сел.

Молодость его прошла потому учирия, водоподъемного колеса, с помощью которого в Средней Азии накачивали воду в кури.

Он крутил колесо вместе с женщинами из деревеньками. Это труд — государственный безумия, пытка однообразием. Шахир-Кум же из-за с ума, быть может, потому, что научился слагать у чигира стихи. Волосатинство он скажет об этом в одной из своих песен:

«Ослепший, брошенный в колодезь мра-
ка, я нашла на дне удивительный бес-
ценный клад — идохонение, я овадла
им и слышале своих музителей».

Бывало аккомпанементом ему служили монотонны стук чирков, подвещенных на цепях, и пласк састанчики в воду капель. Женщины подхватывали повторяющую четвертую строку вслед за самими собой.

Тогда именно сложены были строфы знаменитого «Вечного Колеса», полные глубочайшей печали и беспадежности. Вся жизнь человеческая представлялась зеву унылым вершением чигира. Этот чигиря вокруг, и добьятся категориим трудом драгоценных влаг падала на поле, принадлежавшее другому...

Прошло многое времени, и вслед за «Вечным Колесом» заселили и заселили в нем бы, кувшином воду, влюю, охр багасынских ручьев, текущих с гор, и многие другие. Сазда Шахира росла. Скоро джалко за пределами его оазиса узнали о слегка поэтическом Барзаке, сочиняющим свои стихи у чигира. Песни его

голосом, яномудь². Сам сладчайший Кем-кем оговаривал с похвалой о его даровании, сказыв, что он «поет о воде, как вальдемарий о милюб».

Он был всегда рад гостям на всех праздниках. Он пел в чайкахах и карап-сарахах, в глухих кишлаках, у хаузов — общественного водоема — и на шумных базарах Мерва и Ашхабада. Его слушали, обступив почтительной голой, стараясь не проронить ни слова, раскачиваясь в такт его песен.

Много лет прошло с той поры, Шахир молчал, и вспоминал о ходиши, об по-прежнему коронации. «Стар, стар, болен», — нежнохотя говорил он, — пусть молодые поют». А близким друзьям присказывалась с горечью, что прынки есть только о грустном и других песен не удается ему.

Он доживал жизнь на покое, почти не выходил из родного кишлака, где советует валихи, подстерегая старую поэту дом. Изысканы и монументальны комбинации вышиван в там в дни горжестей: старик был приветлив и всегда рад гостям.

— Хорошо, я понимаю насчет облака, — сказал Шахир, усаживаясь в кресло и принимаясь из рук начальника Южного Берега паху, чай, но кто же может, ты упрямый ветром? Откуда ты знаешь, что упрямый потянет зев в нашу сторону?

— Порядок такой в этих местах, — серьезно заметил начальник. — Валихин асти-пассетов Ну-ку, практикантик, процитируй на память!

Чепига, недавно постичий сам эту премудрость, не отказалась от удовольствия цитировать перед гостем, — и вспомнила, которую раздавала ею, как обновка.

— Профессор Каминский, никак покойный, — начал он падмый рассказ, — наблюдал в течение многих лет изземные слои возлеуха в средней части Каинджского обсерватории, заметил, что лестница дает посвистные ветры на юго-востоке. Продолжая Азальев (Айманнито) как гвоздит — многозначительно вздохну начальник) установил, что в более

¹ Дугра — туркменский двухструнный народный инструмент.

² Различные туркменские племена.

высоких склонов — от одного до пяти километров — происходит то же самое, причем чем выше от земли, тем движение на востоке быстрее.

Чопинг выдохнул паузу.

— Если бы ты, уважаемый Шахир, мог увидеть синоптическую карту... — начал он.

— Я все разошелся ничего не поил в ней, — скромно сказал Шахир-Куал.

— Нет, — ответила Чепинга, — ты различаешь там пути, почти такие же неизменные, как караванные тропы в пустыне. Путя ветров из Каспия проходят не к юго-востоку, запомни это. Вот почему должен облокотиться и отнесено именно к Черным Лесам, к Каракумам.

Фабриканка дождя с доставкой на дом, — говоря начальнику, подавая чай в пакете.

— По такой синоптической карте, если, конечно, карта достаточно подробно составлена, — не удивляться его вниманием, продолжал Чепинга, — мы можем предугадывать дальнейшее течение событий. Скажем, ветер движется туда и с той-то скоростью. На путях его преград нет. Подходит это для облачек?

— И что сказала карта вчера?

— Напинаешь! Обеспечиваешь благоприятства, мысленно и с утра Сашиниш, насосы работают?

Шахир-Куал, склонив голову набок, прислушалась. То, что он прина изнанке за жужжание невидимого насекомого, расплывалось на составные звуки. Он разлил теперя хлопанье струй, шум моторов и характерное почмокивание насосов, а также вибрации звука.

В этом было что-то утомительное, удовлетворяющее, монотонное. Вход в ход. Испых с обычной живостью воспроизведения представил себе нечто вроде огромного чигира, собиравшего воду со дна озера и выдавливавшего ее на чудовищную высоту, туда где начинались тропы каравайских ветров.

Многие из того, что рассказывала метеоролог, он помнил по-своему, упрощенно и перечеркнув образом, но суть процесса уловил: дождь добывался из ракам.

После драматики лекции прервались, и члены Южного совета и Чекиб выразили на главную тему: присягали коммисии на Альбадзе.

Старому поэту предложено было вздренуть до утра. На изване в гостиной спрекли туго накрахмальные простыни. Но Шахир отказался. «Не засну», — коротко сказал он и попросил, чтобы его Юсуфом отвели в такое место, откуда видно было все. Его устроили на партере средней дамбы, спиной к Каспийскому морю, и раскинули на камнях кончины и ковер.

Юсуф вскоре сомкнул глаза, отжалевши головы в тяжелейшую упаду на плечи Шахир-Куал, и тот перенесли позу, чтобы маэтику было удобнее.

Так сидели они, слепой и его внук, окжда наступления дня.

Шумы почты омывали эту эпизоническую, тепло измельченную из грязи группу. Донесся издали крик белой персидской птицы: напористая зебра заскользила ему корм. Шелестели пески: ветер из пустыни накатывал их, как волну. Привлеченную звуками из радиорупоров танцевали на музиках, передававшихся из Москвы.

И над всем этим господствовала немолчный, ритмичный плаеск воды. Мощная насосная станция перекачивала воду из седьмого участка обратно в Каспийское море.

Ночи на юге коротки. Юсуф, блаженно посыпавший на плече дежа, досматривал, изверное, первый сон, когда Шахир-Куал опустился, что ночь рассекается воркут.

Он знал, что из дымки рассвета появлялись, делались все четче и определеннее, белые стандартные дома, шпалы

узкоколейки, проложенные прямо на земле, приглушенные пальми цветочные клумбы и зеленые газоны, стоялы заэкспрессорами высокого напряжения... Целый город в отсветах и тенях меланжем покрасился из тумана перед неподвижно сидящим стрипником, как видение из «Тьмы».

Больше смирилась металлический блеск воды, чуть замотно колыхаясь и бестолстых каскадов. Она кажется такой сухой, тяжелой, точно это не вода зове, а ртуть, живое серебро.

Память Шахиры рисовала другую картину: чаклы глиняной горы растянулись изнутри шире побледневшей, куда ни кинь взгляда. Кочевники обезжажили зашевелевшееся сторопой. Все пугало здесь. И безводье берега и странная, тяжелая вода, и больше всего скорость, с какой она втекает из моря в залмы урошица Кара-Бугаза, почти на метр ниже уровня Каспия. «Что же это?» — спросил Кара-Бугаза Чортова Паис! Она искосытила, эта пасть. Был разоды, с пугающей жаждитостью она втягивает и втягивает в себя воду. Да, вода излечивает вода, если нет у Кара-Бугаза из видимых стоков?

Так возникла легенда о том, что Чортова Паис беззмяна и является воротами в Азию.

Теперь Шахир-Куал, как и все в Туркмении, знает разгадку Чортовой Паисы. Вода уходит не иных в зверя. Она испаряется из необычайной быстротой слизи-ком сух воздуху вокруг, пустыни подструпываются к берегам. За год испаряется вся вода в Карабаге, в Карабаге вода исчезает в поляре метра, толщиной. А ведь плюзий залывы огромна—двацать тысяч квадратных километров! Целая река, обратившись в газ, бесследно исчезает в головном мореце над головами людей.

Вода исчезает соли соль. И не просто соли, драгоценной приправой. Волны ее выбрасывают на берег, груды ее лежат, иссыхают на солнце. Нет в мире месторождения солей, разного Кара-Бугаза, и никто не знает о горде химии, возникшей на его берегу?

А совсем недавно в дополнение ко всему было выдано еще одно месторождение.

Длинная, изогнутая разводная зебра на часах. В северной пограничной дубне веет из раны соль, в южной, напротив, добывает из рапы прекрасную воду. Испарением воды из залывов стала управляемы и ввели ею в нужное русло.

Шахир-Куал беспокойно суетилась, вспоминая о том, что в Каспийском море есть что-то уединенное, но, похоже, неизвестное.

Состалась на водой, залевается гуща, съедается солью, белый пенистоминует поверхность.

— Нет, подожди. Я еще пахло предста- вил тебе это... Как он выглядит? С чем его можно сравнять?

Клубы пара над залывом напоминают дым, который стеляется над кострами в степи. Шахир углядывает из-за синички высыпанной книгу.

— Хорошо. Я загонника. А солнце, Опини мне солнца теперь...

Туман становится пестрее, весь в разноцветных пятнах-узорах. Уже и солнце скрылось в тумане.

Все пропадают в точности так, как описывала Чепинга. Насосы склады заступили свою работу. С предназначенного для испарения участка снят был верхний, за-

щитный слой. Обнажился пласт горячей рапы. За ночь посыпались осты, и его холодное дыхание консисти воду — началилось стремительное испарение...

План посыпал дождь из рапы возник в Молла-Каре.

Шахир был там: тихая станция в один километр восточнее Каспийска, гремевшая курортами берега Каспийского моря. В эти дни времена когда половодья Аму-Дары вились в Каспийскую, а в Аравийское море, здесь было ее устье. Сейчас от него осталась лагуна, отгороженная от моря узкой койкой, мелкая, до трех метров глубиной, полная рапы, целебной грязи.

Профессор Молчанов приезжал сюда как-то из Ташкента спасать из рапы тело погибшего землемера из Азии, температуру рапы, лагуну, была затянута торной коркой льда. Профессор сделал прорубь и опустил термометр на двадцать сантиметров. Термометр показал восемь градусов тепла. Профессор удивился и опустил термометр еще глубже, почти до дна, на 12 метров. Там было двадцать четыре градуса — это зимой, в мороз!

Разгадка была в том, что за лето солнце прошло солнечную волу, а от испарения и охлаждения ее предохраняла верхний пресный слой. Подземные грунтовые воды, впадавшие в лагуну, пресные, поэтому летом рапы насыщены водой, и расположены над ней в самой поверхности. Северо-восток, снизу — тепл — вот удивительная особенность рапы в Молла-Каре. Тело засохло влагой в Молла-Каре Тело засохло влагой в этом «термосе» всю зиму.

Инженер-энергетики залдумали соорудить такой «термос» в искусственных условиях. Лагуна в Молла-Каре слишком мала, промышленный эффект от нее был бы неизначителен. Чем раньше обратиться к Чортовой Паисе, тем лучше. Рапа, гуашь, даже 20 раз более концентрированная чем вода Каспийского моря. Пыльца испарения огромна. Глубина залива невелика, в среднем всего четыре—пять метров, значит, программа будет достаточными.

Но откуда взять пресную воду в Кара-Бугазе?

Пусть это будет не пресная, а мелованная — по сравнению с рапой — вода Каспийского моря. Она достаточно хорошо будет заминить рапу от испарения.

На дамбе поставили тогда насосы. Сначала воду пореквизищают из моря в залыв и наливают ее тонким — до полметра — слоем в разогретые участки. Кладовые солнечной энергии закрыты наглухо, тепло накапливается. Участки выдерживаются так около месяца. Когда температура в рапе достигнет нужного слоя, ее достигнет градусами талюз, настигнет вредные симбиоты градусами, настигнет вредные отомкнуты кладовые.

Выждет благородную синоптическую обстановку — в зависимости от того, куда «задроссан» дождь, — насосы пускают вновь. Теперь они отсыпают защитный слой с очередного участка. Над ним наливают клубы обильного паро. Поднявшись на большую высоту, оно отправляется в дамбу, путешествие по указанному пути.

— Что видишь ты впереди, Юсуф? — продолжал Шахир-Куал. — Тучи? Дождь?

— Все закрыто туманом.

— Отличись, Юсуф. Что там, за спиной?

За спиной в ней светлое пограничное. Юсуф увидал. Он никогда не видел такого дена: расхолода надвига. Граница между неизвестной и лоной погодой — дамба, на которой они сидели.

— Этой!

— Кому ты кричишь, Юсуф?

1 Идея искусственного высыпания дождя в условиях восточного берега Каспийского моря предложен и разработан в Институте гидрометеорологии и гидротехнических наук Н. И. Красносельским.

— Верховой проскакал с той стороны залыва. Он не слышал меня. Круг от его лошади ассыни, и паша покерна от воды...

Юсуфу приходится теперь закидывать голову, чтобы расстегнуть обувь. Уже у моста он поднялся. Верхушка сна раздувается, как голова гриба. Сейчас она расширилась, точно от отолка.

Шахир-Кум поминутно кивает головой. И от этого его предупреждал Чепига.

— Обавко тяжется в потолок, — объяснял он. — Там теплый воздух, его выносит из пустыни к морю... Они начнут текстины друг друга...

Раскат грома прокатился над заливом.

Юсуф поморщился от боли с такой силой сквозь ее плавные дены. Снова раздалась дробная трескотина тумана раскальца. Несколько сплюснувших трещин прошли по ней сверху донизу.

— Я понял, Юсуф. Молчания?

Верховой обхватил сабельники на ножевую. Неподвижные молоты бьют по ней, высекая искры из искры. Каскад золотых струйки визз.

Юсуф кричит что-то в ухо души. Нет, не слишком ничего ведь они у самого подножья наковыль.

С грехотом и резом облако, поднявшееся над заливом, пробило, наконец, темную преграду и продолжает подниматься, делясь все более грозным и темным...

— Что делается дальше с облаком, Юсуф?

— Это — уже не облако. Оно черное. Это туча теперь...

— Назови его хоть легионом туч, малярский пединт... — раздали сзади веселый голос начальника Южного Берега. — К какой точности выражениями приучили ты, уважаемый Шахир, сказать, что же это такое? Кто же это спроектировал? Феерии, чорт бы ее побудил! Я на ногах третые сутки, рубанка мокрая от пота, хоть вымыши. Поднимись, Юсуф, я сяду на коняму... Жалы что вы не могли бытъ одновременно в двух местах. С берега видно, что тучи оторвались от берега и унесли в море. Такая сумотка теперь на пыщите в две-три тысячи метров, не хотея бы я быть там... Но ты уста, Шахир-Кум? Весь ты на отыхах совсем.

— А час полдни минована?

— Давно. Сейчас три...

— Спасибо, начальник, я досижу жду...

До конца? Ого! Так будет продолжаться больше суток. Ночью над западной частью Каракумов замедляют заринцы... Завтра испарение начнет уменьшаться... Последние пары часов, утренние же, растут в небе. Тогда мы снова покроем морской водой «мраморный» пласт и оставим прогреваться на мосци. Настает очередь следующего участка.

Туча наткнулась на новый слой мокрого зеркала. Опять заскрипела, перегибаясь по дном. Верткие молнии снова замелькали в тумане. Юсуфу, не спускавшему с них глаз, представилось, что они шинят, как спички, брошенные в воду.

Шахир-Кум выждал, пока гром затих, сквозь затуманенный.

— Саламан! Ах, начальник, — послышалось. — Наташа жаждущего рапой? Раньше в ней был наименший смысл. Разве слоний водой утолишь жажду? И вот мы отжали из раки и пословицы соль. Вонситу Карап-Бузан напоил нас чайком. Хотел бы я доэтто же время, когда моя Карап-Кум запастить!

— Тебе недолго ждать, Шахир. Для трех дохланных ляст и Баррамбей станет неизвестным.

— Сады? Задесь?

— Очень много зелени! Высокая трава. Пышные цветы. В ваших местах ведь были сады. Очень давно сотни лет назад...

Ты вспомни о времени, когда высохший ныне Узбой был дожен Амур-Дарьи?

— Да. Теперь Каспийское море возвратил свою доброту. Только путь новой реки проходит не в песках, а в воздухе. Шахир-Кум успел забыть о нем. Он вымылся, очистил и говорил все медленнее и тише, с длинными паузами, то и погружаясь в промтот.

— Есть старая сказка, начальник, о古老的ифирте, который через каждые пятьдесят лет приходил в один и то же место и каждым раз видел новую картину. То шелест в горах, и вода в реке... Он спешит к своим творениям, кустарникам. То курганы зеленеют, жалуют галды пустыни. И всегда на вопрос, что было здесь раньше, местные жители с удивлением отвечали, что там было от начала веков, и забыли сияя из их короткой памяти... Приходил он, трогая ветви деревьев, надо только два-три года. Мой эзим слишкомведен для почвы тебе, начальник!

Он умолк и сидел неподвижно. Начальник Южного Берега молча курил, считая, что слепой заснула.

Но Шахир-Кум отчаянно видел сейчас перед собой родину юноши, колхозников, которых, у пересохших прудов. Грозовые тучи — извилистая редкость в этих местах — обложили весь горизонт. Они надвигались с северозапада, со стороны далекого Карабугаза, как было обещано.

Не может быть, чтобы долгожданный восход солнца не был для него ожиданием уже его земли. Непреклонный залыхавший солнце, застывший в морском рокоте, застывший сердце трепетать и ноздри раздуваться...

Лица колхозников коричневы от загара

и пыли. Недоверчивая улыбка проступает в уголках рта.

Ждут...

И в точно вахах пронесся на тонкой, запахущей травы, вметнувшись вверх придорожной пыли. Что-то влажное уело на ресницы. Еще и еще!

Веселый гомон. Смех детей. Звонкие голоса женщин. Ручьи понеслись взаплески. Капали колотят по крышам воею.

Окликну друг друга, захрипевшие руками, колхозники разбегаются по домам. Их приходится перепрыгивать через арыки, поиски, вода хлещет поверху.

Один старик Абдалла, ровесник Шахира, медленно бредет по средине улицы. Всегда гладил его седые волосы. Абдалл его распел и поднял вверх, будто он пребывает, настолько же это дождь, и не может поверить.

Дождь, Абдалла! Да какой дождь! Аи-вени!

— В Баррамбее дождь, товарищ начальник, — раздается голос Чепиги. Он запыхался, шумно переводя дыхание. — Только что разговаривал по телефону с Баррамбей.

Тыне, не ери так, — говорит начальник Южного Берега. — Ты обеспокоишь нашего гостя.

Но Шахир-Кум уже не слышит их. Лицо его стало строгим, кажется, что кожа обтянула его угловатые скелы еще туже, натягивающиеся от зонги губы шевелятся.

— Сами, увилине без вол — бормочет Шахир про себя, — земля воды, как бога ждет, над морем облако встает...

— Что с ним, товарищ начальник? — пугается Чепига. — Он бледен, присущий-тесь!

Вспомнил Южного Берега, освещавший его знаком. Он смотрит на склонную фигуру в пестром хаите, запрокинутую к небу морщинистое лицо, лягку седую бороду, которую треплет ветер, и на память ему приходит прозрение, данное Шахиру одним из его предводителей: «Гомер — пустыня».

— Найден — брос — говорит начальник бороды. Найден — брос — кукуку.

— Помнишь у Пушкина: «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...». Понял? Эх, Чепига, Чепига! Говори тебе, побреися: ишу, куда такого небритого в песочине.

Голоса удаляются.

Шахир-Кум остался на дамбе один. Он ширит по ковру и в груди поднимают пыльную волны.

И вдруг вспыхнула пустыня, — шепчет он, склонив голову к струнам и как бы присасываясь к их мерному рокоту, — очинись от дремоты, певец! Глазами земля ты окиня, пока вдох дозлит...

С каждой новой строкой голос его делается все тверже, увереннее, морщины на либу разглаживаются...

Песни поднимается со дна его души, распрыскивает крылья и вот уже летят, подхваченные горячим ветром вдохновенны.

— Достойно славлю я людей, — произносит винято Шахир, — пославших караван дождей в исполнение Баррамбей, — поля водой залиты...

Ветром сказали: вот ваш путь! Сказали туче смех буды! И Карап-Кум расправила грудь, — поля водой залиты...

...Так была сложена одна из лучших песен страны, песен певцов. Слушали ее люди, смыслись гордые и подхваченные, как пропись четвертую строку. Песня затихла слову «Вечного Колеса», обощала весь Туркменистан и стала известна в Афганистане и Индии.

Ладона Абдалла раскрыта и поднята вверх, будто он пробует, настоящий ли это дождь, и не может поверить.

РАССКАЗ

Ко мне вбежал одиннадцатилетний сын мой весь в слезах.

— Отец! — он так привык называть меня. — Отец! — проговорил он рыдая. — Малчики весь фрегат у меня разрушили!

Фрегат! Ох, как не по себе мне стало — и противно и горько! Я даже работать не смог — караулом отложил «Дядю» же это тарабором подумал и с болею в сердце мимошёл.

Слеза от меня — окно в сосны. Мы второго отжига жирам. Окно распахнуто. И вот, гляди в лицо плачущему сыну, держка в обеих руках его вздрогнувшую худую руку, я вдруг с необыкновенной яростью воспомнил, как весело амые ка-
ких-нибудь два часа тому назад, поло-
званный им распахнутому окну, я и мо-
лчакинский супружеский сподвижник сына

Фрегатом беззаботно, тут же наспех, ветром, паруса отстегнув на солнце. Мягкостью зеревочки, пинтиных, как струны, растягивал их за углы и кро-
пило.

Боялся, чтобы я не отошел от окна, ссыпал голову и спускался от солнышка. Корабль, только что «сопшедшись с веером», был большой, из целиного бруса, и его благо-
говенно поддержал за корыту подильтами вверху руками белобрысый большого-
ловий и молчакинский восхищенный Юрка, поиздевавшийся сподвижником сына.

Фрегатом беззаботно, тут же наспех, ветром, паруса отстегнув на солнце. Мягкостью зеревочки, пинтиных, как струны, растягивал их за углы и кро-
пило.

Боялся, чтобы я не отошел от окна, ссы-
пал голову и спускался от солнышка.

Фрегатом беззаботно, тут же наспех, вет-
ром, паруса отстегнув на солнце. Сын
скользкими упрутые чечемища волнистыми
мозолями, итертых им о kostянную, неукоб-
ную рукоять перочинного ножа.

— Ну... как расскажи мне, как же это случилось? Кто же это? — спросил я.

И начальств, прерьезаемое вначале слезами, горестное повествование. В сопро-
вождении неизменного Юрки он отпра-

вился испытать свой фрегат в большой парк на берегу заглохшего «самаринского пруда».

«Дядя легкий бриз». И...

— Дядя! — быкнул он, посмотрев отен! Как только я и отца паруса, так он и кононес!

В это время — и надо же было случиться так! — по пластию, близ места, где, горделиво сверкая парусами, совершила свою эволюцию фрегат, проходила буйная ватага паренчиков, широком, все смешники сына или же чуть его постарше.

Ну конечно, зазухам, засорам из водогоря и остановкам. Потом один из дру-
гих спотыкался и упал, и все остальные
них первым собзасались схватить изпод ног небольшой камешек и, не целясь почты, а так, просто, запустили им в корабль. Промахнулся, конечно. Но тут уже все остальные похватали каменья, попытавши-
лись их кирманом рогатки открыли обстрел.

Камни застучали о борт фрегата. Сын спотыкался, засорил паруса, и ветром, ворвавшимся остановить ребят. Всех ведь он знал и по имени и по кличке. Но где же там! Их это еще больше раззадорило. Появился вожак, распредо-
ставил силы: «Из рогаток — пушмечники,
стать здесь! Всё, береговых артиллерии,
али отсюда! Слушай мою команду!»

И начались...

Понял тогда малчуган мой, что напрас-
но было пытаться уничтожить первых: ни
одного из них не убили. Стало губы
победы, изверг, как подлото, и по-
полному решена положиться на исключитель-
ную маневренность своего фрегата.

— Едем бы ты видел, отец! — и, отсту-
пив на середину комнаты, то пригибаясь,
то вновь расправляясь, то широко рас-
ставляя руки, то вдруг своих им вместе и
дергая на себя воображаемые «шкоты» и
«гортыши», он и впрямь добился того что
я и учил видеть, как в мгновение чудесной
легкости со быстротой его фрегат успе-
вал избегнуть направлений в него зал-
цов.

«Врага» бросинав.

— ...Ты понимаешь, сначала им больше всего хотелось my флагманский вымысел из рогатки сшибить, пулами. А тяжелым-
то снарядом, конечно, кто угодно сшиб-
ет!. Ну, и мы никак. А потом уж Пашка Соловьевичков — еже за снайпером у него считается — взял и по колени в воду забрел... Тогда сбили...

Он добавил эти слова тихим, чуть сильнее голосом: жалкое побледневшее презрительное умешки пробежало по его лицу: он отвернулся...

Однако, помочив нимом, он спрятав-
ся со своим волчением и продолжал рас-
сказывать.

...Конечно флагманский вымысел был
обеи пураса сплошь, на берегу грипуп
была пураса и восторг. И уж теперь
какая на земле сила могла остановить
их!

Участие фрегата была решена.

Капитан понял это. Владели, бросая
своему помощнику отрывистые приказы
всеми четырьмя языками, чтобы было по-
нять по пропаже множества знакомых,
ужасающих названий, касающихся остан-
ций корабля, капитан забегал по берегу,
спешки «принцивратовать» корабль.

В этой спешке он, как видно, потину-
но за ту деревенскую.

— ...Ты понимаешь, отец, мне надо было
вымысел уничтожить, а не прорубить — тог-
да и пураса обесцветилась бы... — и упала
из шестнадцатикомбломов. Тут я за ту
дереву, за которую надо, — и упала бы
он — и вдруг ударила диницом о какую-
то корыто; ее не видно было... а я ти-
пушил ту и обесцветил.

Оборвавшись и голое место боялся этого рассказчика. Но и на этот раз он спорчалась — только бровь леса сильнее задергалась — и продолжал:

— А тут как раз тяжелый спираль уда-
рила — бизань-мачту так и снесло... и гик
и гафель, только не совсем, а свесились
все вниз.

Корабль накренился. Залп сложился, за
залим. Враг пристрелялся. Беспомощный, лишенный управлений, фрегат кру-
жила на месте...

Берег мокнул. Казалось, еще одно
участное поклонение, и корабль перевер-
нулся вправо.

Но враг не знал, с кем он имеет дело.
Враг торжествовал, праждомленно. И в
самой гибели своей фрегат моего сына
оказался достойным своего гордого имени,

вымевшем охрой на его бортах: «Пенки-
тель морей».

«Пенки-тель», ты понимаешь, —
продолжал он, тоненько и срываясь, —
известия голосом и скрещиваясь
известиями парусом — какая-какие... биз-
ань-мачта свалилась, грот-мачта — и чи-
зю! Ничего не могу с ним сделать!.. А я
ядро под самий борд ложатся, за кор-
кой... швырнет его, швырнет!.. Крест такой
был, что артилеристы зорами на берегу
засматривали, что потонул. А он... отец,
слишком бы ты знал, скажу я показал остой-
чивость...

Он выкрикнул это голошим, извужиним
с отца, лицо его исхирялось, и в то же
время какую гордостью были написаны эти
слова!

...Близился последние мгновения фре-
гата. Снаряды ложились все точнее и
точнее. И, само собой разумеется, как-
точно и беспощадно. И история целые
времена торжествующих и поиспиритных
войск на «береговых батареях».

Рассказывая, сын нашел в себе муже-
ство не уйтить от него.

Даже больше по мере того как горестное
пovествование приближалось к по-
следним секундам корабля, я вполне яв-
ственно начал замечать, как некий буй-
ный восторг, какое-то самозабвение стала
подсекать в глазах сына, спасибо-
зажимая слонов и жирафов.

Голос его скрюч. Слезы высыхали. А же-
ства спомы на уж терпевшему временно
обозначало что исполненную трагизма и
красоты предсмертную борьбу спою фре-
гата, то вздр и неистового воодушевления
снайперов и артиллеристов, толпивших этих
фрегатов.

Я смотрел на него и думал: «Сейчас
когда он был больше творцом и капитаном
фрегата или же командиром «береговых
батарей»?

МНИМЫЙ БЛЕСК

ОТ МОИХ КОРРЕСПОНДЕНТАМ

Недавно я получила письмо из Бобруйска от ученицы 9-го класса Ксении Л. Она пишет:

«...Вообразя, как это приятно стоять перед кинокамерами, распевать разные песенки, и знать, что тебя услышат во всех городах и странах мира... нечестивых сил. Я очень завидую вашей чудной, красивой жизни, мне даже кажется, что отдала бы всю свою жизнь, только бы появить там девочек, как живете вы, Любовь Петровна. Особенно мне нравится народ, в котором вы танцуете на пурпуре».

Отправившего письмо меня обрадовало это признание. Обычно почта присыпает много теплых, искренних писем от людей, видевших меня на экране. Незнакомые друзья — люди разных возрастов и профессий — пишут, что моя работа, высказывая свое мнение о фильмах, об игре актеров, и что всегда воодушевляет, вызывает желание работать лучше. Но приходят и такие письма, которые огорчают так же, как письмо Ксении Л.

Девочки, видите ли, больше всего привлекают в кино наряды, эффектные выходы да аллюзии — тем более публика награждает актеров. «Красивая жизнь!» У Ксении притом-то кружили головы от всего этого «блеска».

Видимо, у какой-то части молодежи существуют какие-то искаженные представления о труде киноработников. Некоторые считают, что деятельность врача, инженера, агронома, машины, зоотехника — это труд, а работа актера — это так называемая «красивая жизнь». Ксении Л. даже не приходит в голову, что киноработники требуют от режиссеров, актеров, операторов большого труда.

Обычно фильмы состоят из нескольких сотен отдельных макияжных сцен, так называемых кадров. Над каждым из них приходится долго работать. Бывает, что отдельную крохотную сценку, которую лишь мгновение зрителя, разрешают несколько часов. Делается раз за раз актер повторяет один и те же движения, один и те же слова, пока не добьется правдивости и выразительности в своей игре. Даже тогда, когда сцена уже сценицирована, прекрасно подготовлена, поиски. Одни и тот же кадр пересматриваются наоператором по 5—7 раз.

В картире «Волга — Волга» есть такая мистия: я пылью по «Московскому морю», наряж и, испытывая, кричу: «Дайт глоток воды!» Эта сцена несколько раз пересматривается. Глядя на эти кадры, я не могла удержаться от смеха. Страшно было смеяться, когда на экране пришлоось немало вспоминать. Спасибо плюшечке Серебреной Блохиной, она заменила меня, когда надо было прыгать в воду с борта «Севрюгина».

Вероятно, обо всей этой будничной работе кинокартия Ксении Л. и не подозревает. И уж, конечно,

не предполагает она, как долго и упорно трудится актер, создавая образ героя, как настойчиво ищет он в жизни все то, что помогает ему создать этот образ. Чертят характера, привычки, манеры самых различных людей — никто не должен убежать от внимания актера. Он должен быть очень наблюдательным.

Когда Борис Чирков получил роль Максима, он пошел работать на завод «Красный выборщик». Непосредственно общаясь со старыми и молодыми рабочими, поговорив с ними днем и вечером, он напечатал губки жизни чудесных человеческих черт юного рабочего-дядьки Максима.

В новом комедийном фильме «Золушка» я играю роль Тани Морозовой, которая стала рекорд одновременно работы на 150 тысячах стаканов. Прежде чем начать съемки, я стала изучать танец, который мне предстоял. Это было трудно. Помогла мне моя однодоминка — танцовщица-хлапочка Варвара Петровна Орлова. Она долго билась, пока научила меня работать на стаканах различной конструкции. Благодаря Варваре я научилась танцевать на стаканах и многим полезным советам помешавшейся стала. Помимо и близкого образа танцовщики, который я должна раскрыть перед зрителем. Не сразу мне далось это.

И вот, когда после таких упорных стараний, такой настойчивой работы приходишь домой и начинаешь танцевать, — скажем, Гали Г. на Хорею, — понимаешь становление актрисы.

«Все ваши девочки...» — пишет Гали Г., — говорят, что я очень похожа на вас. Я тоже очень хорошо это и умею танцевать очень много танцев. Особенно хорошо получаются у меня чечетки. На нашей танцевальной площадке мне даже называют Мариной Дикой. Не сразу мне далось это.

И вот, когда после таких упорных стараний, такой настойчивой работы приходишь домой и начинаешь танцевать, — скажем, Гали Г. на Хорею, — понимаешь становление актрисы.

«Все ваши девочки...» — пишет Гали Г., — говорят, что я очень похожа на вас. Я тоже очень хорошо это и умею танцевать очень много танцев. Особенно хорошо получаются у меня чечетки. На нашей танцевальной площадке мне даже называют Мариной Дикой. Не сразу мне далось это.

А главное, у меня такие же, как у вас, глаза и такая же улыбка. В общем напишите мне срочно: может ли меня что-нибудь помешать создать этот образ. Чертят характера, привычки, манеры самых различных людей — никто не должен убежать от внимания актера. Он должен быть очень наблюдательным.

Гали Г. из записок след и записала фото ничего не ясно. Понимаю, у вас, как и у некоторых других девушек и девушки, существует легкомысленное отношение к искусству. Ни хорошенечкого личиника, ни живописных ложонок, ни умных и интересных не являются, чтобы стать актером. Прежде всего нужен талант, дарование. Но и таланта одного недостаточно. Долгие годы учились и работали лучшие наши актеры, до того как они стали сниматься в кино.

Эртиль хорошо знает и любит киноискусство. Татьяна Макарова — одна из самых известных актрис в фильмах «Семеро сестёр», «Комиссаром», «Учителем...». Макарова в детстве тоже очень хорошо танцевала и пела. Однако она не забросила учебу ради того, чтобы моментально начать сниматься в кино. Она училась в консерватории, где и получила послужную. Только после этого Макарова попала на кинофабрику. Научила она с маленьких ролей и все время терпеливо изучала теорию актерского мастерства, очень много читала, расширила свой кругозор. Все это помогло ей стать настоящей синематографисткой.

После 12 лет упорного актерского труда Татьяна Макарова создала чудесный образ колхозницы Груши в фильме «Учителя». 15-летним мальчиком Борис Чирков увлекся театром, играл в спектаклях драматического кружка города Нолинска и даже пользовался успехом. Но Чирков от-

Рисунок И. Семёнова

—Хочу быть звездой...

ильт не возомнил себя актером. Он занимался на педагогических курсах, потом преподавал в школах природоведение. Только через несколько лет, твердо убедившись в своем актерском призвании, Чирков поступил в театральную студию. И в 1956 году он начал выступать в Ленинградском театре юного зрителя. В кино Чирков пришел уже довольно опытным театральным актером и начал здесь сцены с очень маленьких ролей. А вот Гали Г. думает, что, облаziла хорошенькими глазками, она может стать звездой. Но без актерской практики, без знания техники, без желания стать актрисой...

Если человек малосведущ, если нет у него образовательной подготовки, то даже при значительном таланте время придет к нему хороший актер. Но вот находятся школьники, которые, не изучавшие еще греческую культуру, хотят стать профессиональными актерами. Им уже сейчас не поздно. Вот что, например, пишет ученик 6-го класса Клава И. из Ярославля:

«Мне очень хочется играть в кино. Но мои родные не хотят этого, потому что я хочу участвовать в артистике. Я читаю для мамы сказки на шестом классе. Пожалста напиши мне скорее энтузиасткой как вы, или мне еще придется кончатся до семилетки. Если это не важно, то я приеду к вам».

Убогово, что Клава И. никогда не приходила в голову поставить письмо на какой-нибудьazard под с просьбой звать ее немедленно на работу инженера. Почему же она решила, что не овалев даже грамотам, она может быть актрисой?

Но почему же, что Клава И. как и некоторых других моих корреспондентов, прельстила обманчивая легкость профессии киноактера? Не потому ли, что среди нашей молодежи есть еще такие люди, которым не хватает особенного упрощения, чтобы работать в киноактером или онеметь представить себе как беззаботное, бездумное, всегда праздничное времяпрепровождение?

Чувствую, есть и такие юноши и девушки, которых обманчиво обзывают «красивым блеском», эффективностью работы в искусстве. Затем, конечно, оно не является основного — большого, всегда напряженного и очень ответственного труда.

Слов нет, творчество актера приносит ему много радостей. Но я разделяю мнение многих актеров других групп, который одарен актерской мыслью, исключительной дарованиями. Разве актером, выдающимся новым сортом письменности, хиругом, смелой операцией поставившим на ноги смельчаком большого, статистик, пропавшим в рабочем кабинете, может быть актер, который обогатил науку новым открытием, счастливым меньше чем актер, которому удалась его роль? Разве профессии эти менее замечательны и увлекательны только потому, что они не ведут жизни, мечты, фантазии? Нет, не ведут. Жизнь в нашей стране — это сладкая погоня за внешним блеском, не оправданная погоня за легкими успехами.

От души жалела бы я, чтобы и Ксению Л. и Гали Г., и Клаву И. серьезно призумались наилучшую дорогу в жизни им выбрать.

ПЕВЕЦ МОРЯ

...Маленький пресосский городок. Ласково шумят у берега волны, в них отражаются лучи солнца. Красиво море в такую погоду, но не менее красиво оно, когда становится бурным, грозным.

В течение многих веков городок раз менял свою лицо, но всегда оставался привлекательным для архитектурных и художественных изысканий. И сейчас еще в узких извилистых улицах окраин внимательный глаз увидит средневековые строения, остатки стационарных башен и стены, которые там и здесь возвышаются среди современных жилых домов.

Старинный курортный городок. Тысячи людей слажаются сидя, чтобы отдохнуть, побывать дома, тысячи экскурсантов знакомятся с историческим прошлым города.

С Феодосией связана жизнь и творчество первого русского художника Ильи Константиновича Айвазовского.

Айвазовский открыл в русском искусстве красоту моря. Величественная волна смыкала вдохновения художника на создание замечательных картин.

Айвазовский родился в 1817 году в бедной греческой семье, не имевшей возможности дать мальчику серьезное образование.

Мальчик помог счастливому случайно, часто говорившему Айвазовскому о своем желании стать художником.

В феодосийской галерее имеется фотография с рисунка Айвазовского. На нем изображен маленький мальчик, рисующий угольком на стене фигуру огромного солдата в каске. В открытое окно с лестницей он следит за юным рисовальщиком да стариками, вглядывающимися полоска моря с кораблем.

Это Айвазовский изобразил себя ребенком за любимым занятием.

Говорят, что за такое занятие застали его однажды городской архитектором Кох. Он принял ученика в судью своего художника. С его помощью Айвазовский уехал учиться в симферопольскую гимназию.

В 1833 году талантливый юноша поступил в Петербургскую академию художеств.

Вступив в поприще художников, еще в 30-х годах XIX столетия, Айвазовский, несмотря на то что ему в те годы в русском искусстве романтизму направление, представляющееся им, находился в изгнании, начал писать картины, в которых он старался соединить романтическую направленность, предстающую перед ним как академический руководитель его — профессор пейзажного класса Академии художеств — Воронихин. В процессе обучения Айвазовский, который сам стал писать исключительно по воспоминанию, прекрасная память, превратившаяся в традиции романтического декоративного пейзажа, по-своему обогащая эти традиции, Айвазовский надолго сохраняет столь характерное для романтиков увлечение восточной и южной природой, в которой он видит мотивы бурь, различных эффектов освещения в природе и т. п.

В 30-х годах в Россию приезжал французский маркиз Таннер, театрализованный «Буря» которого восхищают стольничее общества. Академическое руковод-

ство называет Айвазовского как наиболее одаренного своего ученика живописцу, Работая у Таннера, Айвазовский как бы окончательно осознает свое призвание мариниста. Но, удовлетворившись, он скоро перестает его. И действительно, если мы сравним одну из картин Таннера — «Буря», — находящуюся в Феодосийской галерее, с картиной советской молодого художника Айвазовского — «Буря» (1837 год), мы получим вполне ясные черты, вынесенные художником в романтический пейзаж.

Маринист Таннера, хотя и мастерски написавший, кажется надуманный. В ней нет того живого чувства, которое согревает картину, еще не опытного молодого художника.

Он тоже выбрал заброшенный романтический уголок мака на Балтийском море, тоже показал облачное небо, отражение лунного света в воде, показал даже едва ли не погибающего пингвина, вероятно, ледокола, плавающего у моря. Но, поэтическое выражение, которое Айвазовский все же в первую очередь исходил от непосредственного восприятия природы, писал искренне, а также свободно, без разрешения задачи.

Вероятно, одну из таких картин Айвазовского и увидел впоследствии Таннер. Восхищенный творческим подходом русского художника, он посоветовал ему стихотворение, полное романтического пафоса.

«Искусство это велико и может быть велико и честно, потому что тебеaklıнают гений» — писал великий гармонист, человек, вообще находивший в жизни поиски изобилия итальянских пейзажей.

Скорее и официальные круги признали Айвазовского. Его картину «Хаос» приобрел Виттенбергский дворец-музей, куда сопроводил его только первоклассный мастер.

Кончились годы комарищев. Перед захоронением на родине Айвазовский поехал с выставкой своих картин во различные города Западной Европы в ее ведущие города, не имеющие ученых.

В 1844 году Айвазовский снова в Петербург. Выставка его произведений привлекла исключительное внимание, он получает звания академика, дворец прославлен, вспыхивает нешуточный успех.

Следующим годом Айвазовский уезжает на юг страны, в деревню Ильинку, где ему предстоит жить до конца жизни.

Ильинка — деревня художника, где он coldno встраивался в его пейзажи с матурой и, напротив, восторженно отзывалась о романтических залахах, написанных им в путешествии.

Впоследствии, в старости, Айвазовский горько сетовал на то, что рано бросил матуру, но, так как он не знал, что же это было, он стал писать исключительно по воспоминанию. Прекрасная память, превратившаяся в романтическую направленность, мастерство, которым он овладел Айвазовский, скромно сделали его имя известным в Италии. Им восхищались, ему писали письма.

Недаром удивлялся Петербург в Феодосии в то время, что изменило отпора от культуры, лишила себя многих радостей и удовольствий. Поражало и то, что молодой, еще начавший самостоятельную жизнь художник думает о своем ремесле для своего родного края.

Любовь к родине, к морю — одна из замечательных черт Айвазовского. Он выделяет его из среды художников той эпохи, стремившихся связать свою жизнь с жизнью больших столичных городов.

На эти похвалы не вскружили голову малому маринисту. Он продолжал училище умств в музеях, на образах классической живописи, совершенствуя свой чудесный дар.

Однако сильное воздействие оказывает на него в это время величайший английский маринист Тернер, который любил писать бури, необыкновенные, феерические закаты и восходы над океаном — и пишет все это чрезвычайно широко, искрено, радостно.

«Бушующее море» (1843 год) Айвазовского написано под влиянием Тернера. Изображена страшная бури, разгуливавшаяся около мрачной скалы. Облачное небо с голубыми пятнами, синева синева, погожий на старый жестян, картина очень хороша по тому, что она — по энергии и в свободном разрешении задачи.

Вероятно, одну из таких картин Айвазовского увидел впоследствии Таннер.

Восхищенный творческим подходом русского художника, он посоветовал ему стихотворение, полное романтического пафоса.

«Искусство это велико и может быть велико и честно, потому что тебеaklıнают гений» — писал великий гармонист, человек, вообще находивший в жизни поиски изобилия итальянских пейзажей.

Скорее и официальные круги признали Айвазовского. Его картину «Хаос» приобрел Виттенбергский дворец-музей, куда сопроводил его только первоклассный мастер.

Кончились годы комарищев. Перед захоронением на родине Айвазовский поехал с выставкой своих картин во различные города Западной Европы в ее ведущие города, не имеющие ученых.

В 1844 году Айвазовский снова в Петербург. Выставка его произведений привлекла исключительное внимание, он получает звания академика, дворец прославлен, вспыхивает нешуточный успех. Но следующим годом Айвазовский уезжает на юг страны, в деревню Ильинку, где ему предстоит жить до конца жизни.

Следующая заметка Культурника: «Ни вери, ни намеримся художником, — сказал Айвазовский, насладясь предстоящим туризмом для его картины.

Издадор удалялся Петербург в Феодосию в то время, что изменило отпора от культуры, лишила себя многих радостей и удовольствий. Поражало и то, что молодой, еще начавший самостоятельную жизнь художник думает о своем ремесле для своего родного края.

Любовь к родине, к морю — одна из замечательных черт Айвазовского. Он выделяет его из среды художников той эпохи, стремившихся связать свою жизнь с жизнью больших столичных городов.

С 1846 года Айвазовский на всегда поселился в Феодосии. Здесь, на самом конце города, построил художник свой дом-мастерскую.

В разные моменты дня и ночи, в часы, когда в бурном море, то горячо-жаркое, то торжественно-тихое, развертывалось перед глазами художника море, которое он любил больше всего на свете. Но Айвазовский не писал его с натуры. Даже мастерство в силах его не выразить, ибо это единство в себе само выходило за пределы двора, «Чем дальше я от моря, тем лучше я вижу моря», — говорил художник.

Когда Айвазовскому хотелось наблюдать новых впечатлений, он отправлялся путешествовать, он писал зарисовки, следил в пути, служил помощником инженера-изобретателя для большого полотна. Таково было счастье дарования Айвазовского.

И сколько морей, океанов перешел в своих картинах художник! Но его подсказали, он написал целую галерею картин Таннера. Айвазовский вспомнил склон, что он сделал, начиная от миниатюр до больших полотен, но тем не менее это число огромно. Оно говорит о неуступности мастера, работавшего до последнего удара сердца.

В 40—60-х годах Айвазовский перенес бурный расцвет своего творчества. Для этого времени очень характерна картина «Буря» (1853), изображающая борющийся с волнами корабль. Трепещущий волами залежавшийся на дне, образовавшийся из ливня тумана горя, пропитанного соленцем воздушная душа. Как солнечно кругом и... никакого не страшно!

Да и вообще про многочисленные «Бури», изображенные Айвазовским, хочется сказать, что они не страшны, не опасны. Такова она из лучших его картин — «Буря» («Буря») (Феодосийская галерея). Небо в тяжелых тучах, ветер вальдем волни, лунный свет сеет спереди поверхность разбушевленного моря, тонет корабль, несколько пропавших моряков пригнув руки, взмывая о помощь. Все это написано энергично, очень сдержанно по цвету и вместе с этим настолько падко, что трагедия как бы отходит на второй план. Невольно лодка, вспоминая красавицами пейзажами.

Айвазовский стремился к извесной идеализации пейзажа, несмотря на то что часто это было вразрез с изображаемым в картинах сюжетом. И в более поздний период не могли его оторвать от изображаемого несмотря на то, что его творчество привнесло новые черты под влиянием развития и укрепления реалистических тенденций в русском искусстве.

Произведения художника, исполненные им в 70—90-х годах, проникнуты большой серьезностью, простотой и большим внутренним содержанием. В эти годы наряду со столь внутренне изображаемыми эпизодами, несмотря на то, что в целом его творчество привнесло новые черты под влиянием развития и укрепления реалистических тенденций в русском искусстве.

Произведения художника, исполненные им в 70—90-х годах, проникнуты большой серьезностью, простотой и большим внутренним содержанием. В эти годы наряду со столь внутренне изображаемыми эпизодами, несмотря на то, что в целом его творчество привнесло новые черты под влиянием развития и укрепления реалистических тенденций в русском искусстве.

Произведения художника, исполненные им в 70—90-х годах, проникнуты большой серьезностью, простотой и большим внутренним содержанием. В эти годы наряду со столь внутренне изображаемыми эпизодами, несмотря на то, что в целом его творчество привнесло новые черты под влиянием развития и укрепления реалистических тенденций в русском искусстве.

(Окончание на стр. 30)

На этой странице мы публикуем
репродукции картин выдающегося
русского художника, замечательного
мастера морских пейзажей Ивана
Константиновича Айвазовского,

1. «Солнечный день» (80-е годы)
2. «У маяка» (1837 г.)
3. «Тихий утром» (80-е годы)
4. «Буря» (1853 г.)
5. «Прибой у Крымских берегов»
(1892 г.)

новатоиникового цвета, ударяют о нынешний берег. Чайки кружатся над волнами, пчечальным стало море. Таким бывает оно зимой, когда над восточным берегом дует «ирд-ирд». Королю подменяют Альбиноса и дают волнам общий колорит плавника, такого грустного и сурогово.

Так же правила картина «Среди волн» (1898). Она привлекает своей простотой и жизнерадостностью. Волнистые волны краем моря, на которых проплыла легкая белоснежная пена, окаймляет их, а солнце делает прозрачными. Прекрасная картина. Ее любят дети, которые всегда тянутся к свету, к солнцу.

Старинный Альбазинский поселок, в котором любят плавать и море, был живописным и молодым. Автохтон его, нарисованный за год до смерти, рисует нам бодрого, энергичного человека. Чуть приоткрыты складки губы, глаза глядят проницательно и весело. «Молодость значит любить», — говорил Альбазинский, жизни которого действительно прошла в труде. Он умер внезапно, от разрыва сердца, 2 мая 1900 года. В тот день он начал свою последнюю картину — «Взрывы на корабле», которую судьба не оставила законченной.

Синее, синее море, Тихое, ласковое. На лебеи не обидка. И среди этого мира и спокойствия — корабль, охваченный огнем пожара. Он гибнет. Тихие клубы дыма поднимаются вверх, пламя отражается в воде.

Зритель стоит восхищенным перед полотном, к которому последний раз привлекалась кисть прекрасного мастера.

Родному городу художника вспомнили самое ценное, что у него было — свои произведения. Маленькая, провинциальная Феодоровка получила картинную галерею из собрания ее художников, и мечтать даже крупные города царской России. Редкий посетитель — зевакий турист или фоедосиец, прошедший посмотреть картину своего любимого художника — одноко бродил по прекрасно оформленной выставке.

Известен Картина галереи, посвященная тысячам лет деятельности рабочих, колхозников, краснофлотцев, школьников, студентов...

Новый зритель пополнил наследство, оставленное Альбазинским, потому что в его произведениях увлекся он иенескемской бояростью, грацией любви к природе и мастерству, к которому можно только восхищаться.

Альбазинский много сделал для развития художественного образования в родном крае. Все, что тяготело в Крыму к изобразительному искусству, в той или иной степени соприкоснулось с творчеством Альбазина, испытавшего на себе влияние большого мастера.

В наше время полностью осуществлена страшная мечта художника. В 1935 году в Феодосии была открыта художественная студия. Из ее стен вышло много даровитых молодежи, продолжавших ее обработку в центрах культуры. Неудивительно то время, когда в Феодосийской картинной галерее появится новые галантные произведения молодых художников, которые обогатят изысканность замечательного — великого русского мастера.

ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. Гугель

Молодые мастера.

ЧЕМПИОН УКРАИНЫ И. БОЛЕСЛАВСКИЙ

Летом 1938 года прошелся очередной шахматный чемпионат Укрсоюзной ССР. В группе лидеров с первых туров оказались совсем юные шахматисты, только что появившиеся на школьную скамью, чемпион индустриального Днепродзержинска Исаак Болеславский. Молодые соревнования он уже был автором своих конкурсов.

Новичок победил. Знание языка Украины впервые было «увесено» из столицы.

Игру молодого чемпиона характеризует яркое и остроумное ведение атаки, чрезвычайно точный расчет комбинаций, исключительная разносторонность. Он всегда ожидает, когда идет ему на встречу, сам выывает их. В этом секрет его успехов.

В июне 1939 года Болеславский получила почетное звание мастера.

Ниже мы приводим одну из партий Болеславского, прекрасно характеризующую стиль игры молодого мастера.

Турнир кандидатов в мастера (Голосеев на Дону, 1939 год)

Пребраженский Болеславский Голландская

1. c2—c4 e7 — e6
2. Kbl — g3 f7 — f5
3. g2 — g3 Kib8 — f5
4. Cf — g3 Cf8—b4
Черные препятствуют вожжому и это дебюте продвигают e2 — e3

5. Fd1 — b3 Fd8 — e7
6. b2 — a3 Cb4 — c3
7. Ff3 : c3 0 — 0
8. Kg1 — h3 . . .

Неправильная идея. Белые не хотят закрывать диагональ слона g3, но, очевидно, после ответа черных коня на h3 оказывается совершенно иначе. Следовало играть 8. Kf3 или 8. d4

8 . . . e6—e5
9. f2 — f4 . . .

Теперь и слон g2 лишается всякой перспективы. Надо было продолжить развитие путем 9. 0 — 0, b3, Cb2 и т. д.

9 . . . e5—e4
10. 0 — 0 e7 — a5
11. b2 — d4 . . .

Белые безнадежно разыгрываются. Их слоны могут выигрывать себя только в открытой позиции, теперь же белые лишаются всяких возможностей вскрыть диагональ.

Черные кони оказываются значительно сильнее белых слонов. Лучшии было 11. d3, стремясь поднять пешку e4.

11. . . d7 — d5
12. b2 — b3 h7 — h5
13. f2 — e3 a5 — a4

Разрушает решетную цепь белых. Если 14. b4, то после 14. . .

dc: 15. F: c4 Себя черные забыли комом превосходную позицию на d5.

14. Ccl — d2 Kb8 — e6

Угрожая ходом 15. . . Kab

15. b3 : a4 . . .

Молодому атаком было бы все же 15. d4, так как теперь ферзевый фланг белых имеет плачевый вид.

15. . . Ce8 — e6 . . .

16. Lf1 — i — . . .

В худшем положении белые стараются усложнить игру и в результате только ускоряют свою гибель. Упорное сопротивление возможно было при 16. cb: . . . 16. . . d5 : e4

17. Fc3 — c2 . . .

В случае 17. L: b7 Kab 18. Lb2 Kaf 19. Fcb2 Kb3 20. Lab: L: a4 у черных подавляющее преимущество.

17. . . 18. Cf2 — f1 . . .

На 18. L: b7 черные посыпают ствол 18. . . Kb8 запирая белую язду и затем выигрывают by камнем.

18. . . . .

Черные энергично реализуют свой перевес. Белый слон должен отступить, так как на 19. Cc3 последует 19. . . K: e3

19. Cd2 — f3 Kcb — ab

Необходимо подумать о защите пешки c3, которую белые угрожают выигрывать посредством машины 19. Kb3 — d2 — g1.

Ходом в тексте черные подготавливают вскрытие линии «С».

20. Kh3 — f2 Lh8 — c8

21. Kf2 — d1 c7 — c5

Как раз вовремя.

22. Kd1 : c3 c5 : d4

23. Ke3 : d5 Seb : d5

Конечно, не 23. . . L: e2, вин

24. Fc2 — d1 d4 — d3

Белые забывались от пешки c3, но у черных появилась еще более опасная проходная.

25. Lb1 — h5 Ff7 — e6

26. La1 — b1 Ka8 — b3

27. a4 — ab . . .

Из 27. Lb: 5: b3 C: b3 28. L: b1 J: b3 . . .

Л. и С. И. Черные остаются с лишним коньком.

27. . . . .

Ле8 — c2 . . .

28. ad3 — a4 La8 — e8

29. Ccl — a3 . . .

Не помогло и 29. Cb2: . . .

30. Kb3 — b2 Kb3 — a2

31. Kb2 — f3 Kd2 — f3 +

Самое простое и быстрое решение.

31. Fd1 : f3 e4 : f3

32. Lb5 : e6 f3 — f2 . . .

Двухкратный чемпион Украины молодой мастер Болеславский блестящее провел эту партию.

Примечания мастера С. Болеславца,

XXVIII КОНКУРС «СМЕНЫ»

В. Паули

(из иностранной печати)

Задача № 1

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Белые, начиная, дают мат в три хода.

«Задачи-близнецы» — так называют задачи такого рода. Как видите, они очень похожи друг на друга. Но это — чисто вспомогательные задачи. Решаются они различно.

Редакция «Смены» организует конкурс на решение этих задач. Десять читателей, быстрые дурых решивших задачи, получат в премии книги.

Последний срок присыпки решений — 1 июля 1940 года.

РЕЗУЛЬТАТ КОНКУРСА

СОСТАВЛЕНИЯ ЗАДАЧ

XIII конкурс «Смены» состоялся в 1939 году. Составлено множество сложных задач на задание прядок с большим успехом. Предложен было составить задачу-дачуходовку на тему проположенной защиты, осуществляемой в игре двух и более черных фигуру. На конкурс посыпалось 53 задачи от 32 авторов.

Четыре задачи, конечно, были исключены из конкурса. Одни из них были нетрадиционно составлены, другие не соответствовали заданной теме.

Премии присуждены следую-

щими товарищами:

1-я премия — Л. Загорукой и В. Протопоповой (Москва).

После вступительного хода 1. Le8 — d4 грозит 2. Ld4: x. Легко заметить, что любой отход коня d5 или коня d4 не спасет эту угрозу. Но на безраздельный ход коня d5 последует 2. Kb8 — d5 x (пользуясь тем, что вследствие включения на поле d6 действия белой ладьи можно выключить из этого поля белого ферзя), т. е. из позиции «Смены». Поэтому конь отступает с разбором: 1. . . Kd5 — f4 (защита Барузиной). 2. Ke1 — f3 (используя блокированную пешку f4); 1. . . Kd5 — e5 — 2. Fb6 — e6 x (используя перекрытие ладьи e6).

Еще активнее играет конь № 4:
 1. Ке4—Ке4—бездальный ход
 2. Кел—f3× (оньти тема Сомова);
 1. ... Ке4—d6! (защита Барули-
 на); 2. Кd8—с6×; 1. Ке4—g5 2.
 Ил—р4—d1; 1. Ке4—d2 2. Кел:
 1—d3. Богатый стратегическим со-
 держанием задание!

2-я премия — В. Брону (Харь-
 ков). В этой задаче, решавшейся ходом 1. Фf8—с7, в форме про-
 долженной защиты проходит сви-
 зывание двух белых фигур. К со-
 жалению, этим и исчерпывается
 все содержание задачи.

В. Брон

3-ю в 4-ю премии делают И. Але-
 шин (Крым) и коллектива за-
 дача И. Алешина и Л. Файбузин-
 ского (Москва). В обеих задачах
 тема продолженной защиты реа-

И. Алешин

лизуется в игре трех (!) фигур.
 Однако сами по себе защитительные моменты крайне просты.

И. Алешин и Л. Файбузинский

Решение задач: первый —
 1. Кa6—b4, второй — 1. Fc8—cb,
 5-я премия — А. М. Доборажин-
 кинидзе (Абхазия, Грузинская
 ССР). Решение: 1. Кd4—e2.

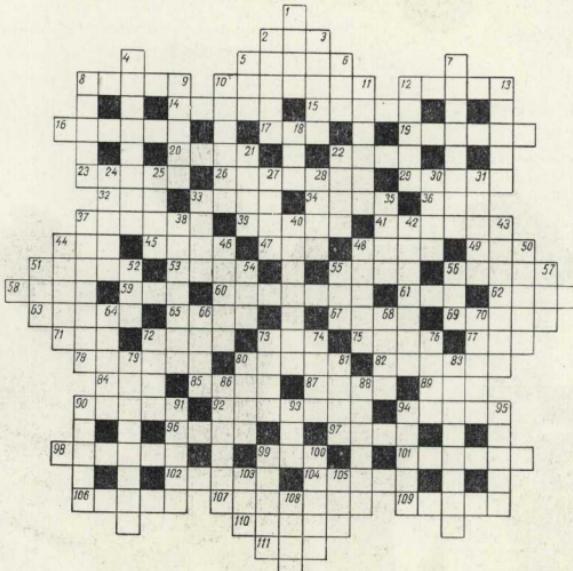
А. М. Доборажинидзе

Кроме того почетные отзымы присуждены: 1. Л. Загоруйко (Москва), 2. В. Троповскому (Ленинград), 3. Р. Пономареву (Москва), 4. С. Соколову (Оренбург), А. Малимовым и А. Шамшукову (г. Шарки, Горьковская область). Задачи этих авторов будут опуб-
 ликованы в ближайших номерах «Смены».

КРОССВОРД

Составил С. Косарев

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Порт во Черном море. 2. Единственный в мире вспомогательный личинковый паразит. 3. Временное название автостанции. 4. Город в Приморском крае. 5. Улица в Адлере. 6. Пресмыкающееся. 7. Часть электродвигателя. 8. Единица измерения. 9. Стальная мера длины. 10. Резерв. 11. Кавалерийский чин. 12. Несколько лет. 13. Капитализированное время. 18. Седение. 21. Полезное упрочнение. 22. Животное. 23. Населенный пункт. 24. Лицо у мыслителя. 27. Скала. 28. Государство. 36. Элемент. 37. Объединение. 38. Страна. 39. Стандартизованная масса. 37. Русский поэт. 38. Спортивная игра. 40. Человек, изображающий животное. 42. Извиняющее выражение. 43. Изнеженный человек. 44. Гигант. 45. Птица. 46. Страна. 50. Борьба. 51. Вар. 52. Верхняя горы. 54. Расщепляемый человек. 55. Стартовый взрыв. 56. Стальной спиральный образ. 57. Музыкальный и сигнальный инструмент. 64. Выражение. 65. Страна. 66. Страна по Франции. 75. Надпись в кинофильме. 76. Геометрическая фигура. 78. Энергия. 80. Слово. 81. Астроном. 80. Продукт. 81. Харак-

- тер. 83. Краткость выражения мысли. 85. Страна. 86. Страна. 87. Страна. 90. Нечисть. 91. Осадка здания. 93. Поэтическое произведение. 94. Женщина. 95. Единство идеального сознания и физического мира его произведения. 99. Продукт первичного производства. 100. Сонячный азакон. 103. Громкая смех. 105. Именование для стрельбы. 108. Синий язык у древних египтян.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. Извар. 3. Ориентальный поэз. 4. Логарифмическая линия. 10. Русский художник. 12. Музикальный инструмент. 14. Пистол. 15. Буква греческого алфавита. 16. Страна. 17. Княжеская династия VII—X веков. 18. Профессиональный спорт. 20. Страна. 23. Имя героини поэмы Пушкина «Полтава». 26. Врачебная специальность. 27. Красивая Красавица. 32. Гага. 33. Макроэкономика. 34. Старинная испанская монета. 36. Колони-
- иораллов. 37. Гыбы. 39. Яиочек. 41. Советская поэзия. 44. Тянь-шань. 45. Игра в растения. 51. Тип автомобилия. 53. Музейное имя. 55. Песня. 56. Лавровый Шлематист. 59. Засек. 60. Варицелево-пестро. 61. Пифа. 62. Газ. 63. Страна. 64. Клонинг. 65. Переводочный материал. 67. Верхний слой дерева. 68. Гладь камней, преграждающих течение реки. 70. Гора. 72. Музыкальное произведение для одного исполнителя. 73. Бог труса в сказке о мушке, которая стала самолетом. 77. Героический обед. 78. Металл. 80. Древнерусский судоподъемник. 82. Бланк. 84. Данный план картины. 85. Представитель одной из национальностей СССР. 87. Геолог. 88. Журнал. 90. Государство величества. 92. Профессия. 94. Итога. 96. Разложение. 97. Сосуд. 98. Страна. 99. Страна. 100. Газ. 102. Женская одежда. 101. Построение по росту. 102. Немилость. 104. Стадо. 105. Страна. 106. Красивый. 107. Остров. 109. Называемые. 110. Головной убор. 111. Зап.

ОТВЕТЫ НА ЧАЙНОВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 4 «СМЕНЫ»

1. Жизнер. 2. Радиатор. 3. Рама. 4. Альпинист. 5. Радио. 6. Осталь-
 ные. 7. Страна. 8. Страна. 9. Страна.
 10. Автомаг. 11. Инкт. 12. Турбин.
13. Аверю. 14. Детектор. 15. Райт.
 16. Танк. 17. Кессон. 18. Неон. 19. Пыточ.

Ответственный редактор Ф. И. Наседкин.

Зам. ответ. редактор М. Г. Осинов.

Оформление В. И. Урина.

Сдано в набор 26/IV 1940 г.
 Подписано к печати 2/VII 1940 г.
 Технический редактор Б. М. Фейгин.

Изд. № 519.

Формат 72×110 см. 4 лич. л. 98 000 экз. в печ. л.
 Зак. 1548.

Тираж 45 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Цена 2 рубля

